

A historical map of the world, likely from the 17th or 18th century, showing the continents of Europe, Asia, and Africa. The map is rendered in a circular or hemispherical projection with a grid of latitude and longitude lines. The colors are muted, with earthy tones for land and light blue for water. In the top right corner, there is a circular badge with the text "16+".

16+

Дмитрий Свиридов

**500 лет назад -
3.2,**

или Постельничий

An illustration at the bottom of the page depicting two figures in a maritime setting. On the left, a man in a red cape and a helmet-like headpiece stands next to a bearded man. The bearded man is holding a long staff or pole. In the background, there are sailing ships on the sea, and a large red bird is visible on the right side.

Дмитрий Свиридов
**500 лет назад – 3.2,
или Постельничий**

«Автор»

2023

Свиридов Д.

500 лет назад – 3.2, или Постельничий / Д. Свиридов — «Автор»,
2023

Каждый знает, что будет, если бросить камень в лужу - брызги и небольшая волнушка. Ученые считают, что если в Тихий или Атлантический океан упадет "камешек" метров 200 в диаметре, волна от него обогнет земной шар несколько раз. Что будет, когда информационная волна, расходящаяся от попадания в 16 век нашего современника, достигнет людей, облеченных властью, или "лиц, принимающих решения"? Какие произойдут изменения в истории, а что останется таким же? Брызги - или мощное цунами?... Читайте.

© Свиридов Д., 2023

© Автор, 2023

Дмитрий Свиридов

500 лет назад – 3.2, или Постельничий

1. Постельничий.

1

В лето 7029 от сотворения мира, в начале месяца серпня (примерно в июле-августе 1521 года, если по нашему счету), ранним утром, вскоре после рассвета, в северной части Чудского озера, там, где оно уже готовилось выпустить из себя к морю Нарву-реку, можно было заметить три большие лоды. Отплыв поутру, еще чуть ли не затемно, из Гдова, они сперва с легким утренним ветерком двигались на север, к Нарве, вроде как намереваясь по ней пойти к морю, однако, когда солнце поднялось повыше и панорама северного берега озера развернулась так, что стало можно разобрать ее детали, довольно резко свернули на запад. И по русскому берегу (который был тут почти прямым), и по ливонскому (который, наоборот, изгибался на запад, формируя большой залив) здесь не было крупных поселений – одни мелкие деревушки, да и тех мало (места довольно топкие, болотистые, воды много, да и граница рядом), но кое-где люди тут жили, рыбаки, в основном. Но, если кто из них и заметил такой неожиданный маневр этих лодий, то подплывать и спрашивать – кто такие и куда это они направляются, конечно, не стал, наоборот, поспешил укрыться в прибрежных кустах. Люди на лодьях поблескивали на утреннем солнце металлом оружия и доспехов, и дураков приближаться к ним не было – может, набег, может, дозор, а может, переброска войск куда, судя по последним новостям, в любом случае, под горячую руку к ним лучие не попадаться.

Рыбаки, если и были поблизости, оказались совершенно правы – соваться к этим лодьям им определенно не стоило. Там плыл сам Великий князь Московский Василий, и плыл тайно (даже о поездке его во Псков, где он сейчас находился для всех остальных, так сказать, официально, пока знало малое количество людей). Тайный характер этой миссии определил и такое мизерное, по нынешним меркам, количество сопровождающих его – двое ближних бояр, с десяток слуг (всего), да охрана, которая и составляла большую часть пассажиров лодий. И если бы кто-то из местных русских (а тем более ливонских) рыбаков к этим лодьям сунулся, то о нем больше никогда бы и не услышали... Но дураков не нашлось, и они беспрепятственно и без заминок отошли от основного судоходного пути на запад вдоль северного берега озера, как видно, до известного им места, которым оказалось устье мелкой речки. Здесь одно из суденышек, поменьше, выдвинулось вперед, еще приблизившись к берегу, а два остальных, хоть и следовали за ним, но сбавили скорость и держались пока подальше.

С полчасца они продвигались вдоль берега таким образом, но потом с передней лоды замахали остальным какой-то тряпкой, и она пристала, тут же выпустив на сушу пару десятков воинов, быстро разошедшихся двойками и тройками во все стороны. Остальные две лоды приблизились, но пока не приставали. С них тоже стал виден оговоренный ранее знак – торчащий недалеко от воды на небольшом пригорке шест, саженой трех высоты, с привязанными на верхушке белыми лентами из легкой ткани, развевавшимися даже на слабом пока утреннем ветерке. Именно его заметили с первой лоды, как признак нужного места. Разошедшиеся дозоры вернулись быстро, и пошла уже общая высадка. Берег озера был здесь пологим, песчаным, а лето нынешнее особо не баловало этот край дождями, но лоды с их небольшой осадкой смогли подойти близко. Первые воины высаживались прямо в воду, бывшую здесь чуть выше колена, а лодью, на которой был государь (и бояре), удалось продвинуть так, что сходни, установленные с борта, доходили почти до самого песка.

Десятник бойцов охраны доложил, что вблизи все чисто, и следов, кроме как под знаком, никаких нет, а дальние дозоры он только отправил. На вопрос, что за следы были под знаком, был получен ответ, что от пары человек, похоже, его устанавливавших, а от кустов

чуть поодаль при их высадке ускакал всадник, который вроде как ночевал тут, их дожидаясь – следы стоянки есть (и костерок палил). Великий князь на этих словах обернулся к боярам. Один из сопровождающих (наш старый знакомый постельничий Иван Еропкин) подтвердил, что все, как они и договаривались – и место вроде то самое, с хорошим обзором, и они должны подъехать на своей... повозке не позже, чем через пару часов.

Державшийся в пределах слышимости (но на некотором расстоянии) старший над слугами, услышав про пару часов, подошел и поинтересовался насчет шатра и закусок. Государь дал добро, и возле лодей закипела работа – понесли на берег тюки и припасы, один шатер, большой, слуги с помощью свободных людей из охраны и с лодей стали устанавливать прямо на пологом песчаном берегу, второй, малый – чуть подалее от берега и повыше, возле того самого шеста с лентами, обустроивали костровища, палатки охраны и все прочее, что еще для стоянки нужно. А государь со своими спутниками за спиной (и парой бойцов в отдалении) прошелся по берегу, с любопытством рассматривая окрестности.

Надо сказать, что люди 16 и 21 века увидели бы здесь совершенно разное. Если сейчас князь Василий и все остальные видели песчаную пустошь, похоже, заливаемую в сильное половодье, по причине скудности почвы (на этом песке даже трава росла только клочками, а кусты и тем более деревья появлялись в нескольких сотнях саженей от озера, да и то – единичные) совершенно не заселенную, как и все окрестности (да тут еще и, считай, рубеж меж враждующими Русью и Ливонским орденом), то человек 21 века увидел бы большое красивое озеро с прозрачной водой, шикарный пляж, тянувшийся на сотни метров, с желтовато-серым, но чистым песком, на котором лишь кое-где виднелся природный мусор в виде водорослей да стволов деревьев, видимо, выброшенных в ненастье, и... ни одного отеля, гостиницы или даже захудалой турбазы. И яхт с катерами на воде не было, и причалов на берегу. Пожалуй, наш современник решил бы, что это какой-нибудь заповедник (или охраняемая территория другого статуса), куда просто-напросто закрыт доступ... Но для человека любого времени картина большого водного пространства, с мелкими волнами, поднявшимся ветерком, приносящим с воды прохладу, солнцем в синем небе, иногда закрываемым облаками – «барашками», обрамленная желтизной песка и зеленью прибрежной растительности, была все-таки умиротворяющей и настраивающей на мысли о чем-то хорошем. Так что после десятиминутной прогулки государь присел в тени шатра (малого, с большим еще возились) и так и сидел, задумавшись о чем-то и глядя на озеро.

Малый шатер, хоть и назывался малым – имел по две сажени в длину и ширину, правда, ставился быстро – всего четыре шеста да столько же отяжек. А сейчас, по жаре летнего времени, две стороны его еще и подвернули, чтобы можно было видеть и озеро, и дальние подступы, и чтобы легкий ветерок с воды беспрепятственно пролетал, создавая приятную прохладу (припекать стало уже прилично) и отгоняя редких слепней. Государь сидел, погруженный в свои мысли, не обращая внимания на расставленные на столике слугами закуски и напитки. Его сопровождающие пристроились здесь же, на принесенных с лодей скамьях, тоже в тени и на ветерке, и постарались не мешать государю. Было время и им самим поразмыслить о всяком-разном.

Постельничий Еропкин перед ожидаемой важной встречей стал вспоминать, какая цепочка событий привела их всех сюда. Последние полгода стали для него самыми богатыми на события и напряженными, пожалуй, за всю его жизнь...

А началось все в конце зимы, и день тот запомнился ему очень хорошо. Как-то поздним вечером, когда он в своих покоях во дворце уже раздумывал – то ли лечь спать пораньше, то ли еще зайти к кому из знакомых на полчаса, поговорить, к нему прибежал государев рында со срочным вызовом. Порадовавшись, что не успел переодеться в домашнее, постельничий поспешил к государю, по пути попытавшись уточнить, в чем причина вызова. Рында был ему знаком, конечно (как и все они, которых набирали их из младших сыновей ближних к государю

семей), но сказать ничего не мог, кроме того, что приехал уже под вечер гонец, привез вести, вот с ними государь и засел. Гонец, по его словам, был с полуночи, и Еропкин никак не мог привязать к поручениям государя, которыми он нынче занимался, северную сторону. Но тут они уже и дошли до одной из рабочих палат, и рында, доложившись, запустил постельничего, оставшись на страже снаружи у дверей со своим напарником.

Чутьем опытного царедворца Иван тогда понял сразу, что случилось что-то важное. Князь Василий, по известным ему приметам, был рассержен, взволнован так, что это, пожалуй, стало бы заметно и менее близким к нему людям, но... точно определить настроение государя мешала странная полуулыбка на его лице.

–Заходи, Ваня – кивнул он постельничему, говоря с интересом и даже ласково – на вот, прочти, что мне мертвый, по твоим словам, князь Рязанский пишет.

Сразу взопревший Еропкин на негнущихся ногах подошел к столу и машинально, как сказали бы в 21 веке, взял протянутые ему государем листы. Только сейчас он осознал смысл случившегося, и судорожно пытался представить, чем это может ему грозить. Вариантов было несколько, но хороших среди них – ни одного, и он заставил себя вчитаться в текст на бумаге (дорогой, не иначе как немецкой, как он отметил про себя). Пробегая глазами по строчкам грамоты под пристальным взглядом князя Василия, он сперва никак не мог собраться с мыслями, но пересилил себя, и начал читать снова. Грамота была... странная. Бумага дорогая, но то ладно. Чернила неизвестный писец использовал тоже необычные, и как-то умудрился вести совершенно одинаковые по толщине линии, но то тоже дело такое... А вот само послание... Написано оно было от имени Великого князя Рязанского Ивана Великому же князю Московскому Василию. Составлено по всем нынешним обычаям, с правильными титулами и обращениями, и писец был грамотный – писал без ошибок и помарок. А в самой грамоте князь Рязанский писал князю Московскому, что не сердится на него и не таит зла за замыслы о захвате Рязани и лишении его самого (с боярами его) жизни. Ибо только потому, что все эти испытания он, князь Рязанский, прошел, в самый последний и тяжкий миг, когда сам он, раненый, чудом выжил с малым числом своих людей после той засады под Рязанью, и был послан ему Господом нашим из будущего, за пять сотен лет, старец Николай.

Тут постельничий не выдержал и поднял вытаращенные глаза на государя. Получив от того успокаивающий кивок – читай, мол, дальше – он снова опустил глаза на грамоту. Старец тот спас их, увезя от погони на своей самозежей повозке, что может ехать без лошадей сто верст за час (Еропкин уже не стал отвлекаться на эти чудеса, а решил дочитать до конца), и рассказал им о делах будущего. А дела эти были такие, что все действия князей Московских по объединению русских княжеств, хоть и велись часто способами... не слишком благими, но были по сути верными, ибо и сейчас, и дальше на все известные тому старцу пять сот лет – только в единстве Руси была ей возможность спастись от уничтожения многочисленными врагами. Кратко написав про продолжение войн с татарами и будущее взятие Казани с Астраханью, неизвестный отправитель этой грамоты (постельничий стал сомневаться, что писал это тот князь Иван, которого он неплохо, хоть и в основном заочно, знал) перешел на ливонцев. Напомнив, что даже после поражения и заключения Дерптского мира они не перестали быть врагами Руси, годами не выплачивая положенную дань, копя силы и продолжая набеги на ее земли, все так же проводя на своих землях все такую же, как и ранее, принудительную католицизацию и онемечивание, он писал, что в итоге приведет это к большой войне, вести которую будет уже сын нынешнего князя Василия, который станет известен в дальнейшем на все пять сот лет под прозвищем Грозный.

Сын тот пока еще не родился (Еропкин, от греха, не стал снова смотреть на государя, но, кажется, понял, почему тот так странно улыбался), и то самое взятие Казани и иные славные победы будут как раз в его правление. Но вот дальше князь, или кто там, писал, что растратит силы объединенное Московское государство в этих постоянных войнах (татары, ногайцы,

крымчаки, поляки, литвины, ливонцы), прервется династия князей Московских (постельничего снова бросило в пот), и после 1600 года от Рождества Христова, когда провидением Господним во всем Мире будет два или три тяжелых, неурожайных года, наступит то, что позже выжившие потомки назовут Смутой. Голод, постоянные войны, болезни, опустевшие города и села... Не то на треть, не то на четверть обезлюдеет земля русская, многие большие города и все окраины врагам отойдут, а сама Москва сожжена да захвачена поляками да бунтовщиками будет не раз за короткий срок. Однако ж чудом (не божьим, а людским) не дадут погибнуть остаткам Руси, а соберут силы и отгонят врагов, но – с огромными потерями в землях, в людях, в хозяйстве... И с тех пор будут лишь догонять соседей, и догонят, но на пути том много будет еще войн, побед и поражений...

Еропкин все же вытер холодный пот, глянул на государя (улыбка у того пропала), и взялся за следующий лист. Князь писал далее, что, узнав все ближайшее и дальнейшее, что Руси уготовано, он с боярами своими, по долгому размышлению, решение принял попытаться предотвратить, а не получится – так хоть смягчить такие страшные события. И, порешив такое, со старцем на его повозке добрались они тайными путями до Волги и ушли по рекам в Псков, где собрали малую ватагу наемников, закупили припасы, да по зиме пошли в Ливонию. Там они смогли захватить несколько усадеб никак не ожидавших их орденцев, а после – и один замок, в котором сейчас они и устроили свою столицу. Столицу, потому как узнавший про будущее князь решил построить жизнь здесь по примеру пресвитера Иоанна, объединив под своей рукой власть церковную и светскую. Ибо то, что узнал он от старца про церковников нынешних, хоть православных, хоть католиков (которые, кстати, как раз сейчас еще раз разделяют свою церковь на католиков и реформатов, иначе протестантов, что станут на все пять сот лет такой же религией на весь Мир), привело его к мысли вернуться к первоапостольским временам, без чуждых южных обрядов и выделения церковного сословия, превратившегося в обузу людскую, дармоедов и извратителей слова Божьего (пот почти не переставал течь по лицу постельничего).

В конце же князь, или кто там на самом деле был, писал, что на Русь возвращаться не собирается, продолжит биться с ливонцами, а в знак подтверждения истинности его намерений посылает он князю Московскому грамоту, позволяющую тому управлять Рязанским княжеством, а также просит, если будет на то его желание, прислать доверенного человека, которому можно было бы более подробно рассказать обо всем, в этой грамоте упомянутом, и обо многом ином. И еще просит, если появится все же это желание у князя Василия, человека этого выбрать из числа тех, кто ни с поляками, ни с ливонцами и литовцами в приятельских отношениях не был, ибо западные народы – самые главные враги Руси и будут. А еще посылает он передачку из числа тех безделиц, что у старца из будущего при себе случайно оказались, а повозку ту самоезжую и иные чудные вещи можно будет тому посланнику и самому увидеть. Безопасный путь к ним узнать можно через купцов псковских Тверда со Жданом, у которых они и закупались перед походом своим, и сейчас торгуют с ними же. В самом же конце было написано о том, что про неурядицы в Ливонском ордене, разлад у католиков, да про победы его отряда передаст князь вести в Иван-город и Псков, тамошним воинским набольшим, чтобы знали они о том, а будет на то воля князя Московского – так использовали на благо княжества, а еще – что старец из будущего при сей грамоте от себя направляет короткую грамоту же.

Мысли Еропкина были в полном смятении, отложив листы, он увидел, что государь смотрит на него с вопросом. Собравшись, постельничий попытался определить, что будет сейчас спросить самым... безопасным.

–Что же, государь, и верно прислал князь Иван грамоту, где отказывается... от княжества?

–Верно. На вот, прочти тоже – князь Василий протянул ему еще один лист.

Тот был побольше, и бумага другая, и чернила. И текст был другой, как и положено в таких случаях – более торжественный, с тяжеловесными оборотами. В нем князь Иван писал, что в тяжелые времена находящаяся в кольце врагов Русь должна быть под единой рукой, и он, получив тому подтверждение от высших сил, добровольно передает управление княжеством Рязанским князьям Московским во всех будущих поколениях (оставив, впрочем, за собой и потомками своими титул), и призывает всех людей княжества Рязанского перейти под руку Москвы без бунтов и иного противодействия. Сам же князь, во исполнение наказа тех же высших сил, будет биться с врагами народа русского в Ливонии, куда призывает прийти ему на помощь только тех, кто получит в душе своей тому одобрение после молитв искренних Господу нашему. Приложена была здесь же печать княжеская (малая, большая-то у нас в Рязани захвачена была – вспомнил Еропкин), да имя княжеское было начертано собственноручно.

В общем, грамота была, какая надо, и хотя Рязань они уже, считай, забрали и без нее – теперь можно ее и огласить, открыто или только для боярства, как решит государь. Правда, немного смущало упоминание какого-то особого задания для князя от высших сил, но, с другой стороны, не мог же он просто так все отдать, да и сомневающимся в добровольности передачи княжества так будет лучше принять решение князя – воля Господа... с таким не спорят, кто понимает... Но там было упомянуто еще кое-что?...

–А что же, государь, и письмо от... старца этого есть? И какая-там еще безделица? – снова спросил Еропкин у князя Василия.

–Есть – ответил тот – да только письмо то не тебе писано. Покажу потом, может быть... Безделица же – вот – и князь протянул постельничему совсем малую... икону? Нет, картинку.

Только сейчас Еропкин обратил внимание, что под рукой государя все это время лежал небольшой лист невиданной им ранее тонкой бумаги, бело-голубого цвета, странно разлохмаченный с одного края и вроде как зачем-то разлинованный вдоль и поперек, заполненный с двух сторон убористым почерком. Картинка, лежащая сверху того же листа и переданная ему сейчас, была небольшой, с пол-ладони, на очень тонкой и жесткой (но легкой)... тоже бумаге? вроде да, и на одной стороне ее был изображен красивый храм с разноцветными куполами, на фоне синего неба и стены. Крепостной стены. Знакомой стены из красного кирпича... На обороте, с мелкой цифирью, было разлиновано тоже что-то знакомое, и уж совсем мелкими знаками обозначено еще что-то понизу...

–Как настоящий – сказал постельничий, хотя хотел сказать – как живой.

–Так это с него и есть слепок – отозвался князь – пишет... тут мне, что делают у них такие... слепки. Запечатлевает на бумаге все в том виде, в каком было, хоть дом, хоть коня, хоть человека.

–Как бы оно не...

–Ты кресты-то видишь?... Какое может быть колдовство, с храмом божьим?...

–А что за цифирь на обороте? И... где это? – после паузы спросил Иван.

–Пишут, календарь это. Перечень дней по месяцам и неделям на 2020 год от Рождества Христова, по латинскому образцу, как у них стало там принято – пояснил князь – а собор у нас тут, в Москве возле Кремля выстроен, в честь взятия Казани. Василию Блаженному посвящен... будет.

Постельничий помолчал какое-то время, рассматривая картинку, и одновременно судорожно пытаясь понять, какую линию поведения вести. В итоге, положив этот... календарь на стол, он без особой поспешности, но и не мешкая опустил на колени перед государем, кланяясь в пол:

–Смилуйся, государь, что не смог я, в силу малого разума моего, исполнить службу твою... с князем Рязанским... как велено было!

В перерывах между поклонами Еропкин смог заметить, что та самая кривоватая усмешка князя Василия на короткий миг стала как-то... теплее, что ли, и государь кивнул, выдержав, однако, положенное время постельничего на коленях:

–Встань. Как видно, обернулось дело так, что... немногие смогли бы то размыслить в то время, как оно обернется. Садись, будем дальше думать.

И, пока тот выдыхал, придвигал лавку да усаживался, сразу взял быка за рога:

–Ехать тебе в Псков и далее, в Ливонию, для... проверки... всего этого. Человек ты верный, в близости к ливонцам не замечен, да и... знаком уже с князем и боярами его – теперь князь Василий усмехнулся как-то иначе, и Еропкина (в который раз за сегодня) пробил холодный пот:

–Так они же меня убьют, государь! За... все дела те!...

–Не убьют – совсем другим, нормальным голосом и в обычном рабочем тоне отозвался тот – пока я понять не могу, какие дела они там затевают, но... не убьют. Грамота эта – он потряс листом с передачей Рязани – вроде бы, ничего им не стоит уже, да вот то, что князь про ливонцев пишет, и... старец этот мне... – взгляд князя Василия несколько затуманился, а рука его непроизвольно снова легла на тот приметный листок – говорит о том, что нужны мы им, сильно. Воины наши и... иные люди, о чем князь пишет, опять же, в грамоте своей.

–Грамоту ту будем ли до народа доводить? – осторожно спросил постельничий – по нашим задумкам, по иному хотели сделать. А там не так многое указано, как хотели...

–Вот съездишь, выяснишь все, и подумаем о том – припечатал государь – а пока поедешь ты... ну, скажем, с проверкой псковских да ивангородских войск, каково они зимуют, да готовы ли... ко всему, что я им прикажу. Потому как, если все подтвердится, то ливонцев надо наказывать... – теперь взгляд государя стал жестче, а Еропкин смог сообразить:

–Воевать будем? Но... не рано ли об том задумываться, государь? Ну, даже если верно все написано, застали они врасплох десяток-другой орденцев да захватили пару деревенок их в глуши где-нибудь?...

–Пару деревенок... – усмешка у государя вышла снова кривоватая – на вот, глянь – и он, выудив из листов, лежащих у него под руками, еще один, протянул его постельничему.

Бумага была такой же, как в грамоте князя, но вот содержание у этого листа было... разноцветными чернилами с большим искусством (хоть и непривычно) на нем была нанесена Ливония, точнее, ее ближняя к Руси часть, как Иван понял, зацепившись глазами за кружки с надписями «Нарва» и «Иван-город». А дальше он, увидев Гдов и Дерпт, Ревель и Феллин, синие линии рек и черные пунктиры дорог, внезапно понял, что та область в верхней части, что имеет одинаковую косую штриховку, с точками деревень и несколькими значками более крупных поселений, и есть захваченные князем Рязанским земли. Да, здесь была не пара деревенок, а как бы не все три десятка...

–Но... как же это они? – пробормотал Еропкин, не скрыв своего удивления.

–А ты попробуй хоть на малое время поверить, что и в самом деле послан Господом был им этот старец из будущего – внезапно жестко откликнулся князь Василий – я вот, сегодня тут сидючи, попробовал, и что-то оно как-то... – он покрутил рукой в воздухе.

В палатах наступила тишина, и постельничий, у которого пока что не было времени спокойно поразмыслить, попытался вернуться к самому началу. Засада под Рязанью, раненый князь и бояре (похоже, все так и было, как рассказывал им покойный Тимоха), и... посланный им Господом (!!!) старец?... Да еще с какой-то повозкой волшебной?! Зачем старец? Почему старец, а не... ну... ангел там?! Еропкин был человеком своего времени. Имел приличное для этого времени образование. Не особо религиозен, но обряды соблюдал и важность церкви прекрасно понимал. О глубине своей веры задумывался редко, но сейчас, похоже, был как раз такой случай. Ведь если так посмотреть, и подтвердится все, что в грамоте написано, то... Его снова бросило в холодный пот.

– Вот так-то – сказал смотревший на него в эти минуты тишины государь – бог его знает, что там за старец. Может, чародей какой, или просто лжец искусный... Но если и вправду старец тот из будущего послан, то... Но почему им?!...

«Почему не ко мне» – внезапно понял недоговоренное постельничий, и тут же запретил себе даже думать о том, что государь может... завидовать беглому князю. Надо было срочно менять тему разговора...

– А как, государь, грамоты эти к тебе передали? Неужто гонца напрямую прислали? – спросил он.

– Гонца... – князь Василий усмехнулся – нет, они моего гонца перехватили. Причем под Москвой уже, верстах в десяти, представляешь?!

Еропкин представил.

Если у нас принято считать, что почтовую или ямскую службу ввел на Руси Иван Грозный, то на самом деле у историков имеется достаточно свидетельств, что зачатки такой службы у московских князей были задолго до него. При наших расстояниях и при том, что быстрее-шим способом доставки сообщений в то время был гонец-всадник – других вариантов и быть не могло. Вот и у князя Василия уже были специальные гонцы, правда, пока без сети ямских дворов по основным дорогам. И останавливать таких гонцов либо чинить им препятствия в пути было запрещено под страхом самых суровых наказаний, вплоть до смертной казни.

– Остановили, говорит, не то разбойнички, не то кто, дорогу перекрыли, а дальше... – государь, к счастью, и сам оказался не прочь сменить тему – на крестах своих поклялись, что вести тайные, важные да срочные надо государю передать, да отдали гонцу в чехле крепком. Тот взял, а что ему делать было, да не выкинул тишком в куст, а все же привез и доложился десятнику своему. Там, на мое счастье, сегодня у них оказался понимающий десятник. Хоть и не сразу, а принес ко мне. Ну, а тут уж понятно стало...

– Ты что же, государь, сам... (полез – это слово постельничий проглотил) вскрывал неизвестно кем грамоты переданные?! – Еропкин удивился искренне, ибо такого князь обычно не допускал, да и вообще, порядки у него для работы с документами и с иерархией служб были установлены жесткие. Ну, для 16 века, конечно, кто понимает.

– Нет – государь взглядом признал правоту Ивана – десятник и открыл, да проверил, что нету в этих листах ничего... такого.

– Он и прочел их, получается?...

– Ну, что-то может и прочел, пока разворачивал – князь Василий понял недосказанную мысль – он с тобой поедет. Кроме вас двоих, пока никто более не знает обо всем этом – он мотнул головой на документы.

Они просидели тогда долго, почти до полуночи, и к себе в покои Еропкин уходил совершенно обессиленным, так его вымотали эти новости. Следующие два дня прошли в подборе людей (он прихватил двоих из своих, наиболее общительных и пронырливых), сборах небольшого отряда (хоть тут не было ничего необычного) и получении указаний от государя. По грамоте, которую ему выдали, он ехал с проверкой пограничных крепостей и мог, пожалуй, серьезно осложнить жизнь любому государеву человеку, кроме посадников с наместниками, да и тем – при желании создать изрядные неприятности. Основную же задачу поставил ему государь иную:

– Разберись, что там такое, тот ли князь, и кто такой этот старец. Шли гонцов почаще, что писать, что на словах передавать – сам определишь. Если же верно, что человек там... может, и не прислан... оттуда, но знает, про что писано в их грамотах, да не из пророчеств невнятных, а именно ЗНАЕТ... он мне нужен. Потому как в иное из его слов – взгляд князя ушел в себя, и постельничий снова вспомнил тот странный листок, о содержании которого государь ему так пока ничего и не сказал – я поверить никак не могу...

С таким напутствием небольшой отряд и уехал из Москвы на север на третий день.

Еропкин вынырнул из воспоминаний и обнаружил, что вокруг ничего особо не изменилось. Похоже, закончили ставить большой шатер и устраивать лагерь, так как суета на берегу прекратилась, и народ в основном скрылся с глаз (солнце припекало уже серьезно). Государь, видимо, раньше него прервал свои раздумья, и сейчас они со вторым боярином попивали квас, глядя на окружающую их пустошь, да изредка перебрасываясь словами.

Строго говоря, далеко не каждого знатного человека при князе сейчас правильно было назвать боярином. На Руси к 16 веку были князья (между прочим, несколько сотен семей, включая самых захудалых, но все равно родовитых!), были непосредственно бояре разных княжеств, были боярские дети (младшие, подчиненные семьи тех же боярских родов)... При любом княжеском дворе, в рабочей или официальной обстановке, благородных именовали по титулам либо по должностям – придворным или военным. Но вот в быту, или, скажем, при необходимости общения с незнакомым, но богато одетым и вооруженным человеком, следующим в сопровождении слуг – чаще всего использовалось обращение «боярин». Из которого потом родилось «барин», да... Будем уж и мы называть боярами представителей тогдашнего благородного сословия.

Так вот, второй благородный спутник князя Василия был именно князем, а не только московским боярином. Князем Иваном Федоровичем Телепневым из рода Оболенских, по прозвищу Овчина. Вдобавок был он еще и воеводой, и именно в этом качестве, после событий последнего полугодия, государь взял его в эту тайную поездку. Правда, военачальником он был, надо сказать, пока что второго, если не третьего, уровня, и до этого года в основном занимал должности второго-третьего воеводы, либо вообще был, говоря словами будущего, начальником постоянного гарнизона в своей родной Тарусе. Но... в этом году для исполнения задумки государя и князя как раз и нужен был такой воевода, не особо известный врагам Руси и готовый исполнить любой приказ своего государя, каким бы... странным и непривычным он не показался. И события, произошедшие за эти полгода, показали, что не ошибся тогда государь. А почему выбрал именно Телепнева из приличного числа подобных – он, конечно, никому не докладывал, но была у постельничего на этот счет мысль...

...Тогда, зимой, отряд Еропкина добрался до Пскова, не мешкая. Повезло – метелей и сильных снегопадов по пути не было, с припасами и кормом для лошадей, благодаря грамоте государя, проблем тоже не возникало. В самом же Пскове постельничий в первый же день, пока его люди отдыхали, собрал городскую верхушку, которой и была озвучена официальная причина его приезда – проверка состояния крепости и прочих воинских дел. Грамота делала его, по меркам 21 века, кем-то типа спецпредставителя Президента (или даже круче, с учетом того, что никакой законодательной ветви власти пока еще не было, да и прочих ветвей, а был... пожалуй, один ствол властной вертикали). Приняли его без особой радости (кто ж любит проверяющих из столицы), но как положено. А вот когда вся верхушка была уже распущена, и они остались на приватный разговор только втроем, с псковским наместником и воеводой, руководившим войсками в крепости и окрестностях, Еропкин рассказал об основной цели его приезда. Короткая переглядка между псковичами, замеченная им, и... они послали за сотником внутренней стражи, а пока того искали, рассказали гостю, что, и верно, пришла недавно грамотка о том, что некий отряд из псковских наемных воинов что-то там захватил в Ливонии, а у самих орденцев неурядицы, и хорошо бы им, псковским набольшим, быть готовыми... ко всему.

Ну, а тут пришел со всей возможной поспешностью знакомый нам сотник (в такой компании – уже не господин, а просто сотник, хорошо хоть не «эй ты, сотник!»). И рассказал подробно и с деталями все ему известное – появление неких людей, найм ими воинов, необычный договор, заключенный в церкви, и уход отряда в зиму. Сотник, конечно, подробности опускал, но Еропкин легко узнал в описаниях этих людей рязанского князя и его бояр, а до того еще проскакивала у него мыслишка, что, может, не они это... Узнал он и примерное число

бойцов, и имена и краткие характеристики купцов, что с тем отрядом дело имели (те самые Ждан и Тверд, что в грамоте упоминались), и об уходе второй части наемников спустя некоторое время тоже на полночь... Именно сейчас для Ивана в первый раз и прозвучало описание внешности того самого старца. Дело было уже под вечер, так что разбор ситуации продолжили на следующий день. Постельничий получил копию того самого договора с наемниками, уточнил еще кое-какие детали, а со своей стороны – раскрыл кое-что из писем этого отряда к государю и показал ту самую карту Ливонии (в грамоте к псковичам никаких карт и описаний захваченных земель не было). Псковская верхушка впечатлилась, и разговор с Твердом и Жданом, вызванным к наместнику после обеда (оба оказались в городе), велся вполне вежливо. Да и сам постельничий, хоть и был предупрежден о том, что купцы эти из тех семей, что... не особо одобрили, скажем так, в свое время переход Пскова под руку Москвы, давить на них не стал, а вполне вежливо попросил уточнить подробности их... торговли с этим странным отрядом.

Купцы такой гуманный подход оценили, и в свою очередь рассказали многое – и о закупках отряда, и о том, что пришлые проводили обучение воинов по-своему, и о том, что торговые контакты с ними продолжаются (уже на территории Ливонии, да) и поныне, и еще кое-какие подробности. Ну, а что?... Договор они и сами читали, и результаты боев видели – люди русские гонят поганых ливонцев с захваченных ими ранее исконно русских же земель, так что помогать им – дело угодное и богу, и государю московскому, разве нет?... Тем более, платят воины за свои заказы сразу, честным серебром... Еропкин получил еще кусок информации, купцов заверили, что претензий к ним нет, и самое главное – договорились, что их люди проводят его туда, в Ливонию.

Все остались довольны переговорами. Правда, за кадром осталось многое – Тверд со Жданом не упомянули о новом оружии отряда и бомбах, предоставив рассказывать о том самим людям князя Рязанского, да и о своих планах на Хапсал и последней поездке туда промолчали. Еропкин довольно ловко обошел предысторию того, что за князь стоит во главе отряда (и как так вышло, что он вообще тут оказался). Ну, а псковичи не стали передавать московскому гостю разные слухи про старца, ожидаемый конец света и прочее, и про почищенный от разбойников город сотник тоже умолчал... Наверное, все прошло, как в любых переговорах на таком уровне...

А на следующий день постельничий, как не просили его задержаться, как будут говорить в 20 веке – согласно законов гостеприимства, со своими людьми выдвинулся в Иван-город. С купцами договорились, что во Гдове будут ждать их люди, знающие путь на ту сторону, в Ливонию. Во Пскове остался один из людей Еропкина – собрать сведения по воинским силам и припасам, которые можно будет задействовать сразу к началу летнего сезона, как вешние воды сойдут и земли просохнут, если такое решение примет государь... А с самим псковским начальством решили, что на обратном пути, если бог даст и все удачно пройдет, постельничий еще раз с ними обсудит, чего можно ждать на этот год. В Москву поскакал гонец, с письмом государю и копией договора отряда (а в Иван-город, еще с ночи – другой гонец, от господина сотника полковнику второго Наревского полка, на всякий случай).

Путь до Иван-города прошел у группы Еропкина уже под метель, но по хорошо набитой дороге с частыми поселениями, так что тоже почти без задержки. Сам Иван-город сильно отличался от Пскова – он был именно военной крепостью, новой, с пока небольшим посадом, и строился Москвой почти на пустом месте, не имея за спиной сотен лет независимой истории. Поэтому все окрестное население было полностью лояльным Москве, не как Псков или Новгород, ну, а местные военные силы – тем более. Постельничего приняли с почетом, на собранном тут же совещании верхушки подтвердили получение грамоты из Ливонии (сейчас можно было сразу не скрывать основную цель поездки – лишних ушей и чужих людей здесь не было). Само обсуждение прошло даже быстрее – здесь многого не нужно было пояснять, а сведения

о боеготовых войсках и имеющихся припасах Еропкину дали сразу же, в актуальном виде. Из лирических отступлений был только рассказ о той самой встрече дозора с первым отрядом князя, который, конечно, был передан высокому гостю, хоть и не непосредственными участниками событий, но от того не менее красочно. Здесь основным докладчиком выступал полковник второго полка, вовремя предупрежденный своим другом сотником (для этого и нужны друзья, не так ли?).

Привезенную постельничим карту Ливонии обсудили с огромным интересом и быстро срисовали (в грамоте к ним тоже карты не было). Отсюда был отправлен еще один гонец в Москву, а с ивангородцами Еропкин тоже договорился о заезде на обратном пути, не скрывая, впрочем, что ситуация у них лучше, чем у псковичей (и у полковника второго полка особенно), о чем он непременно сообщит государю, так что расстались они довольные друг другом (редкий случай для любого проверяющего, кто понимает). Тут его тоже пытались уговорить погостить, но... пора было приступать к основной задаче государя, самой... опасной. Еропкин не собирался оттягивать уход в Ливонию, к рязанцам, хотя и понимал, что там ему может грозить смерть и от орденцев, и от князя с боярами. Впрочем, последние сведения (особенно псковские) говорили о том, что, похоже, князь Рязанский и на самом деле на пользу Москве (ну ладно, всей Руси) действует...

Доехав до Гдова, он нашел там двух ожидающих его проводников от псковских купцов, оставил пятерку своих бойцов (с наказом через две седмицы, если они не вернуться – послать еще гонца к государю, а самим все же попробовать его вытащить), а сам с половиной своих людей и провожатыми добрался до известной нам деревушки и ушел за Нарву. Купцы не поскупились на лошадей для провожатых, а у москвичей были свои, и неплохие, так что небольшая группа по известным проводникам приметам (что было важно – снегопад зарядил уже по серьезному) ушла за реку, добралась до леса, там по еле заметной, но все же просматриваемой тропке добралась до первого поселения, ну, а дальше довольно быстро (с одной ночевкой) добралась до первой захваченной усадьбы Ордена, в которой теперь стояли бойцы князя Рязанского. В деревнях по дороге останавливались они ненадолго, только обтряхнуть снег да обогреться, поэтому первый более-менее серьезный разговор с местными постельничий смог провести только в этой усадьбе. Расспросив (аккуратно и вежливо, все же он был тут уже только гостем) кое-кого из прислуги и тех бойцов отряда, которые остались здесь гарнизоном, Еропкин узнал еще некоторые подробности этого похода и иные интересные ему вещи, и они выдвинулись уже в сам замок. Тут он начал уже сильно волноваться, поскольку хоть и ехал в статусе посланника государя московского, но имя его уже было известно – могли и предупредить князя с боярами. Как-то они отреагируют?...

Однако, обошлось. Добравшись во второй половине все еще короткого дня до замка, они были встречены сперва дозорными, потом – явно кем-то одним из здешних главных, назвавшихся Петром, и устроены возле самого замка, но в отдельно стоящей каменной избе. Им дали помыться и отдохнуть, принесли поесть, но внутрь замка не приглашали. Они успели еще по свету рассмотреть снаружи и сам замок с башней, и церковь, и деревню рядом, но больше никуда не ходили – им (пока) ничего не запрещали, но и сами бойцы устали, и стемнело уже... Все устроились отдыхать, а вскоре – тот самый Петр пришел за Еропкиным. Его позвали к князю.

Оружие у них никто не отбирал, но свою саблю с собой постельничий брат не стал, поймав внимательный взгляд этого самого Петра на нож у себя на поясе. По дороге, пока входили в замок через ворота и шли к башне, Еропкин почти ничего не запомнил – его начало потряхивать. Сейчас должно было решиться, насколько сильно затаили рязанцы злобу на него за участие в их пленении, и останется ли он вообще жив сегодня. Поэтому он сосредоточился на том, чтобы не показать своей опаски, и по сторонам особо не смотрел. В башне, куда его привели (вроде бы, на третий поверх), в большом зале, освещенном сразу несколькими светильниками,

сидело человек семь-восемь, но взгляд постельничего сразу метнулся к той стороне большого стола, за которой сидел князь Иван, и прикипел к его вроде бы спокойному лицу. Впрочем, он успел узнать и Семена, сидящего рядом (с рукой на перевязи), и Ефима с Федором, бояр, хорошо известных ему по описаниям... А вот пятого из рязанцев, Гриди, сейчас здесь, кажется, не было. На остальных он уже и не посмотрел, шагнув на открытое место перед сидящими:

–Государь московский шлет тебе, князь Иван, пожелания здоровья и благополучия в делах твоих, и передает послание свое! – он слегка приподнял свиток в своей руке и продолжил тоном ниже – от себя же прошу простить за... известные вам дела, ибо... выполнял я волю господина своего...

Голос Еропкина не дрогнул, но сам он к концу этой короткой речи держался на остатках воли. Его сразу же бросило в пот (да и жарко натоплено было в зале этом, и сейчас еще дрова горели в большом камине). Пауза продолжалась несколько секунд, все молчали, на бесстрастном лице князя постельничий не мог увидеть никаких эмоций...

–Бог простит – все же разомкнул губы князь, кто-то хмыкнул, по залу прошло движение, и князь, поднявшись, продолжил (уже официальным тоном):

–Благодарю Великого князя Московского за пожелания его! Здоров ли он ныне сам, все ли в землях его благополучно?...

Дальше пошла небольшая, принятая по нынешним меркам, как сказали бы в 21 веке, официальная часть, когда стороны обменивались протокольными фразами, а мы должны сказать, что хмыкнул после первых слов князя Николай Федорович. Дело в том, что он как-то заметил, что князь вообще-то мало в общих разговорах на их вечерних посиделках высказывался на тему бога и религии. Собственно, в отряде эти вопросы сразу были отданы на откуп Ефиму (с помощью старца, конечно же), и тот ими занимался, приняв это как и положено. Но, если остальные рязанцы и псковичи в разговорах (между собой, конечно) периодически высказывали свое мнение, то князь больше отмалчивался, ограничиваясь четкими указаниями в тех случаях, когда надо было принимать конкретное решение (вроде процедуры переkreщения местных), и совсем не участвуя в теоретических рассуждениях. Так вот, Седову пришла в голову мысль, что князь склоняется все же к версии отсутствия в настоящее время в Мире бога – либо по причине его ухода после акта творения мира, либо по причине его смерти, как было озвучено Малхом (тогда князь с интересом поучаствовал в обсуждении, кстати), но обсуждать это не хочет. И в таком раскладе фраза «бог простит» означала не общепринятую формулу примирения, а совсем другое...

Но мы отвлеклись. Постельничий, конечно, ничего этого знать не мог. Здесь, в Ливонии, в недавно захваченном замке Ордена, пока не могло быть и речи о полном соблюдении довольно сложных русских обычаев по встрече послов, как было принято в русских княжествах, и у него запросто забрали грамоту и усадили за стол напротив рязанцев. Только теперь он заметил, что на столе накрыто для... ну, скорее, вечерних посиделок – блюда с закусками, чарки... Ему тут же налили чего-то из кувшина, подвинули тарелку, и он, замахнув чарку, уже в процессе понял, что это не вино, не брага и не медовуха, а что-то более крепкое, ягодное. Но... именно такое ему и было сейчас нужно, и его отпустило. Пока он зажевывал чем-то из солений, князь (и Ефим через его плечо) читали грамоту государя. Содержание ее Еропкин знал, написано было обтекаемо, но... князю должно было быть понятно.

Государь Московский писал в грамоте, что считает объединение Руси своим важнейшим делом, и выражал сдержанную радость от того, что князь Рязанский его понимает. Также благодарил (тоже сдержанно) за передачу грамоты на управление Рязанью. Просил же он – по возможности подробнее рассказать о тех самых бедах для Руси, о которых поведал посланник божий, старец, на ближайшее время и на будущее. Ну, и еще просил уточнить, какие действия собирается предпринимать далее в Ливонии сам князь Иван, и чего ждет от Москвы. Посланнику своему, постельничему Ивану Еропкину, князь Московский разрешал рассказать «все,

что ему самому сказали бы», а, если это по какой-то причине они посчитают неудобным – передать с тем посланником в письменном виде. Все это было написано коротко и сухо, даже для официальных текстов 16 века.

Гораздо более эмоциональной, как сказали бы через пятьсот лет, была вторая часть послания. Там князь Василий просил князя Ивана, как брата (на самом деле – троюродного племянника), как можно более подробно описать его встречу с посланником Господа, поскольку такого на землях русских не было с давних времен, и «знать о том должны во всех концах земель наших», с припиской, что и в грамоте самому старцу о том тоже написано. На этом месте читающий князь прервался и спросил о втором послании Еропкина. Уже немного успокоившийся постельничий успел к тому времени и оглядеться в зале, и определить, кто тут тот самый старец. Было это легко, хотя бы потому, что все здесь, кроме одного человека, были достаточно молодыми. Поднявшись навстречу старцу, постельничий сразу оценил разницу в росте, а, отдавая с приличным поклоном грамоту, еще и в лицо вблизи успел заглянуть...

2

Когда его после возвращения в Москву расспрашивал о старце государь, Еропкин так рассказывал про первую встречу:

-Первое – высок, и одежда, конечно, вся не наша – блестит, и работа тонкая, и обувь иная... Второе, когда приглядишься – статен, спокоен, но... не похож он ни на кого, государь. Волосы стрижет не так, как у нас принято, и бороду короче носит, но дело не в том даже. Взгляд у него... и любопытство там, но без навязчивости, и знание, но не сверху смотрит и не сквозь тебя, как иные бояре или священники наши... Не воин, не купец, не боярин... Мне, на обратном пути уже, подумалось – на иноземца знатного похож, который по своим делам чужими местами проезжает, да по пути любопытствует – кто тут живет да как... Да и говор у него, хоть почти все слова вроде и наши, на иноземный смахивает. Но не как у немцев или татар, упаси господи, а... другой.

-Любопытствующий проезжий, значит? – переспрашивал государь.

-То сперва мне так показалось – соглашался Еропкин – а вот потом, когда он заново рассказывал, что в будущем случиться должно... и после, когда чудеса свои показывал, и повозку, которую они «машиной» называют... Наш он, государь, хоть и через пять сот лет, наш, потому как никакой скоморох или лицедей не может так... от души говорить, подробности все пояснять и доводы такие приводить!

...Но это было потом, а в тот вечер совсем успокоившийся (после второй чарочки) постельничий услышал и увидел множество странных вещей. Сперва старче рассказывал о будущем, вроде и много говорил, и с подробностями разными, но уложился в малое время. Потом достали цветную книгу, называемую «Атлас», и показали, как разрослось государство за пять сот лет (и как весь Мир выглядит!). Затем Еропкину стали показывать, что у старца тогда с собой было (немало повеселило после государя, что поехал тогда старец за грибами, а оказался за пять сот лет в прошлом). Чудные вещи, вроде светящейся штуки, нержавеющей металла, да разных хитрых «приборов», поразили постельничего сильно. Ясно было, что это все... не отсюда, не из их мира, чего стоил тончайшей работы «мультикул», как бы не с десятком отдельных инструментов... Но вот когда старче достал то, что называл «телефон», и стал показывать живые картинка... Только третья чарочка спасла Еропкина от полного изумления, да то, что все собравшиеся в зале тоже подвинулись им за спины – любопытствовать. Надо было держать вид посланника самого Государя, и он удержался. Москва на этих живых картинках... узнавалась. Как узнается большой валун на родной усадьбе, хоть и заросший мхом, и окруженный подростом лесом, и ушедший в землю, но – приметный скол, памятный изгиб, и – узнаешь камень, на котором играл в детстве, так и тут. Кремлевская стена с башнями стала той осью, на которую наворачивалась уже река и некоторые узнаваемые изгибы местности. Но все же он сильно был переполнен этими новостями, даже слишком, уходя ночевать, хотя одна

здравая мысль в тот вечер его все же посетила: «Надо попросить, чтобы еще кому из моих... показали все это. Мне одному государь и не поверит».

А на следующий день, как рассвело, им принесли позавтракать да снова позвали в замок. Показать все десятнику, прибывшему с Еропкиным из Москвы, князь разрешил, а про «машину» вообще сказал – хоть все катайтесь, оно сразу понятней будет, и улыбнулся, видать, вспоминая свои собственные поездки... К «машине» они первым делом и пошли. Иван успел шепнуть своим, чтоб не удивлялись, а смотрели да запоминали все, быть им у самого государя видоками (свидетелями). Старче сразу предложил проехаться, постельничий не стал отказываться, и по свежерасчищенному двору, хоть и под метелью, они ездили с час, правда, сильно не разгоняясь (пояснил старче, что меняются у них на повозках колеса для зимы, да он на тех, что для лета, к ним заехал) и постоянно останавливаясь для пояснений. Бойцы с опаской лезли в повозку без лошадей, да и потом трудно было не удивляться полностью железной(!) повозке, да с такими стеклами, да на таких непривычных колесах... Все приехавшие москвичи с огромным любопытством посидели и проехали в этой «машине», послушали пояснения, как она ездит, потрогали сами и «двигатель», и колеса, и «фары»... И дым понюхали, не без этого... Ну, а богатство внутренней отделки, зеркала(!), свет и печка внутри – стали для его сопровождающих предпоследней каплей. Последней стали... песни. Сидя в повозке под падающим снегом на теплых и удобных мягких «креслах» и «диванах», под монотонный шорох особых «дворников», которые сами(!) счищали этот снег с огромного и прозрачного стекла впереди, слушать эти волшебные голоса с музыкой, было... неопишимо.

Поразило москвичей еще и то, что катал их по двору сперва сам старец, а потом тот самый Семен, с раненой рукой. Что он был до того рязанским воеводой, Еропкин тоже шепнул своим, а что он уже тут, при захвате замка ранен был, они уже сами в разговоре осторожно выяснили. Негромко играла музыка, кто-то там пел разными голосами, а они сидели и расспрашивали его, как у них тут все шло. Узнав, что при захвате замка погибло трое (против пяти десятков у орденцев), да после того они в разных стычках как бы еще не вдвое больше орденцев побили, народ снова был озадачен, и разговор сам собой затих.

И тогда-то постельничий расслышал слова песни, при рассказе о которой (потом) государю, как ему показалось, тот и решил отправить в Ливонию именно Овчину-Телепнева, уточнив у постельничего (как и он сам тогда выпрашивал у старца), кто такие – корнет и поручик...

А тогда, после поездки по двору замка да посиделок в машине, охрану отправили обратно в выделенный им дом, а Еропкина с десятником снова повели в башню. Десятник стойко перенес показ диковинок, хотя больше молчал, конечно, и слушал пояснения. У самого постельничего еще со вчера за ночь вопросов накопилось много, но отвечал старец сразу, довольно подробно, хотя и видно было, что поторапливается куда-то... Оказалось, у князя с тем самым Семеном готово все для обсуждения их задумок, и после обеда (их в этот раз накормили прямо здесь, в башне), на большом столе были разложены карты, разные записи, и Ефим-рязанец с тем самым Петром, что их встречал, рассказали и показали, сколько и где у Ливонского ордена, по их сведениям, воинов, какие основные пути тут, и как все выходит с их заходом сюда, в самую середку орденских земель... Ну, а потом князь и Семен рассказали, что хотят делать дальше, и как бы оно могло обернуться, захоти князь Московский наказать ливонцев да забрать свое...

И сам Еропкин, и десятник охраны, хоть и не были воеводами (или иными воинскими начальниками в высоких чинах), задумку оценить смогли в полной мере. Рассеченная Ливония, с перерезанными внутренними путями – тот случай, который вряд ли представится сам по себе. Но если этот замок, как они поняли, был взят нахрапом, то что делать с крупными ливонскими крепостями?... Нарва, Юрьев и далее? Именно этот вопрос задал постельничий, хоть и осторожно и в обтекаемых выражениях. Ответ на него у князя был, и заставил он москвичей все же вытаращить глаза: выходило, что старец, пока они во Пскове сидели, заказал мест-

ному умельцу оружие из будущего, которое и помогло им тут орденцев победить. При пояснении выяснилось, что не совсем из будущего, а по примерам только оттуда, а так все здешнее. Были показаны бомбы и дробовики, а вот огненные стрелы, на которые основная надежда была против крепостей, увы, кончились, ну так два больших замка орденских ими уже подожжены были...

Все, быстро одевшись, пока еще светло, выбрались за заднюю стену замка, к озеру, где не так сильно дуло, и бахнули пару зарядов из дробовика, да взорвали одну бомбу (самую малую, конечно). Вернулись обратно, и князь продолжил пояснения – как они уже использовали эти новинки, и что еще можно сделать. Упомянул он и про пули иного образца, что летят точнее и дальше, и их тоже показал. А еще были прикидки насчет использования на Нарве и на самой Балтике лодий, и кое-что о тех кормщиках, что зимовали во Пскове, им подсказали... Загруженный Еропкин, с час позадавав уточняющие вопросы, понял, что со всем этим он должен попасть к государю очень срочно... О чем и сказал напрямую, сообразив уже за пару дней, что нравы тут простые, и какие-то увертки и оговорки не нужны. С мнением гостя согласились новые хозяева замка, но все же еще день пришлось подождать, пока Ефим писал грамоты князю Московскому, перенося на бумагу все самое важное. Писал и князь, личное послание... Сам постельничий времени тоже не терял, задавая уточняющие вопросы, кратко записывая ответы, и запоминая то, что уже не успевали перенести на бумагу. В этом ему помогал его десятник, вполне осознавший, какие дела закручиваются... Остальные воины пока отдыхали – им, похоже, предстояло очень быстрое возвращение в Москву.

Ну, а на следующий день, несмотря на метель, москвичи отправились в обратный путь, всего на день разминувшись с вернувшимся из лесов Гридей. Тот согласился с решением князя, конечно, сказал, что все правильно сделали, но по поводу князя Московского и присылки самого постельничего в горячах высказался короткой, но экспрессивной речью из тех самых слов, с татарскими корнями... Впрочем, сам Еропкин об этом уже не узнал. Они с трудом пробились по полностью занесенному пути до реки Нарвы, и до Гдова, где их, пока особо не волнуясь, ждали остальные москвичи, добрались совершенно вымотанные. Там, все же взяв день на баню и отдых, постельничий написал грамоту в Иван-город, где извинялся, что не сможет сам приехать, но дела закручиваются еще сильнее, чем они даже обсуждали, высказывал кое-какие наметки на лето, и предполагал, что в скором времени к ним из Москвы приедет особый гонец. Воевода и полковники в Иван-городе, получив послание, выводы сделали, и занялись прикидками, как и что можно уточнить и сделать уже сейчас. Но – о чем было отмечено в грамоте особо – пока все было только на уровне верховного руководства, тихо и келейно...

Сам же постельничий, добравшись до Пскова, через наместника, но срочно потребовал к себе купца Димитрия с теми мастерами его, которые по заказу для отряда, ушедшего в Ливонию работали, да с показом тех... вещей, что они для них делали. Димитрий явился сразу же – давно еще, в разговорах со старцем, тот, рассказывая о развитии оружия в возможном будущем, оговаривал, что самые передовые вещи еще долго будут делаться только под рукой государства и на его деньги (как московские пушки, сейчас объективно лучшие в мире). После, мол, будут времена, когда у некоторых толстосумов получится государства в этом деле опережать, а потом – затраты на разработку новинок и их сложность снова приведут к тому, что и передовые образцы, и массовое их затем производство – снова станет возможным только на государственном уровне. Услышав от старца, во что превратятся его «ракеты», Димитрий не пропустил мимо ушей и все остальное, и сейчас понял (известия о царском человеке, интересующемся теми людьми, по Пскову разошлись, конечно, среди своих, кто понимает), что ему выпал джокер, и это его единственный шанс (хотя выражений таких еще и не было).

С одним из мастеров и образцами изделий в мешке (не заправленными порохом, конечно), он и явился к наместнику, где показал московскому гостю все новинки. Озвученные данные об «огненной стреле», виды бомб, действие которых подтверждали все рассказы

из Ливонии (да и сам московский посланник тоже успел увидеть кое-что), короткая история, как это все делалось... Рассказ его надолго не затянулся. Наместник с воеводой сделали вид, что все знали (хотя и затаили про себя, конечно), сотник внутренней стражи внес разумное предложение – приставить еще и своих людей оберегать мастеров и мастерскую, раз это дело такое важное выходит, а сам постельничий решил забрать купца и мастера в Москву. Уже с заряженным оружием, для полного показа... Мастеров с подмастерьями оказалось трое (сказали, столько надо, чтобы новое оружие показать на скорости, как оно в бою придется, а они уже наловчились), и увеличившийся на четыре человека и одни сани отряд уехал, оставив и во Пскове некоторые, пока незаметные обычным людям, шевеления в верхах, да новую волну слухов...

А вот остаток обратного пути до Москвы Еропкин сейчас плохо помнил. Нет, они проехали его не настолько быстро, чтобы эти дни слились в памяти, а за нормальное для зимы время, хоть и ускорившись, просто мысли в его голове были совсем о другом... Хорошо, что десятник тогда, заметив такое состояние Ивана, взял все дорожные заботы на себя. А постельничий все думал, пытаясь уложить в голове пророчества старца, такие вроде простые и вполне понятные по частям, но суровые и даже страшные по их смыслу, если вдуматься, рассказанные живым человеком, с обычным голосом и внешним видом, хоть и не всегда понятными словами (но старче и сам пояснял, когда видел, что смысл его рассказов от новых слушателей ускользает, и на вопросы отвечал). Больше всего времени он пытался сам понять – верно ли, что человек этот, со всеми его... диковинами (чтоб не сказать чудесами), действительно из будущего прислан... кем-то?... Ибо ошибка в таком деле, тем более перед лицом государя, может дорого стоить. А уж, если это не так, и обманется и государь... чего это может стоить Москве?... Руси?... Миру?...

Но – не находил противоречий, хотя и сам перенос был совершенно неясен. Туман? Ну, туман. Князь с рязанцами не стали скрывать подробности их встречи со старцем, о чем просил князь Московский, и рассказали Еропкину все достаточно подробно. Выходило, что хоть и верно, были они ранены, но... раны те не угрожали их жизням, хотя и могли вызвать задержку. Проходила ли в тех краях затем дорога хотя бы десятка крымчаков, при встрече с которыми точно бы закончился жизненный путь рязанцев, сейчас сказать никто не мог, поэтому появление старца именно там и тогда можно было рассматривать и как спасение, и как простое совпадение. Спросил он, и как они до Волги добирались. Ему честно, хоть и без особых подробностей, рассказали, что ехали они по подмороженным по той погоде дорогам, убранными полями да скошенными лугами. Немного плутали, разок чуть в болоте не застряли, а народу в тех полях по позднему осеннему времени и не было, все уже сидели по селам... Такое тоже было вполне возможно, отчего нет... Вот и маялся постельничий, толком не понимая, как рассказывать обо всем этом в Москве. И решил все же, уже на подъезде к городу – рассказать только о виденном и слышанном лично, передать как есть, а выводы оставить на государя.

Да и вообще, на подъездах к городу пришлось ему выходить из своих раздумий и решать возникшие задачи. К государю надо было попасть как можно скорее, но... привезенных мастеров и оружие их лучше было пока скрыть – в городе много лишних глаз и ушей... Он решил поселить пока псковичей в своей собственной усадьбе, а охранять их оставил почти всех бывших с ним людей, лишь с десятником и двумя воинами поехав в Кремль. Да и помыться и переодеться перед встречей с государем надо было, хоть и срочные вести, а порядок должен быть, кто понимает... По должности он мог проходить к князю Василию в любое время, да и ждали их уже, оказывается, после его грамот с дороги, и Еропкин (пока один) на малом приеме у государя очень коротко, в пять минут уложился, рассказал, что все, что в дорожных грамотах из Ливонии написано было, подтвердилось – и князь точно тот самый Иван Рязанский, и старец там, похоже, верно – не местный и не здешний, так сказать, по времени... Да из того, что не написано им было в грамотах, много важного, но рассказ долгий, а есть еще, что и пока-

зять, причем надо бы – тайно... Государь велел ему ждать, пока сам он все срочные дела сегодняшние доделает (а что и отложит). Постельничему хватило времени, чтобы от своих людей во дворце узнать, какие тут новости, да как продвигаются дела, которыми он ранее занимался (и от которых его, естественно, никто не освобождал). Ладно хоть тут все оказалось более-менее в порядке. Хватило времени даже еще разок прогнать в голове, как и что он собирается докладывать.

К государю снова позвали его часа через три. Тот встретил его в уже знакомых нам рабочих покоях. Нынче большой стол был пуст, и на него постельничий стал выкладывать привезенные с собой бумаги, сразу отдав грамоту от бывшего князя Рязанского государю. Пока тот читал короткую грамоту (князь Иван подтверждал согласие наказывать Ливонию вместе, излагал, как он это видит с участием московских войск, писал, что о встрече их со старцем все рассказано было Еропкину, и перечислял, что (со слов старца) записано было ими из того, что они сами важнейшим считают, да с его посланником же и передано, а подробности ему же на словах рассказаны), все бумаги были разложены, где по одному-два листа, а где и побольше. Дочитав, он поднял вопросительный взгляд на постельничего. Тот взял один из разложенных на столе листов и подал его со словами:

–Тут, государь, все важно да срочное, и не выделишь ничего. Но вот это... тебе важнее всего будет, думаю...

Сверху листа было написано: «Вещества, что ядами не являются, однако ж о которых в будущем известно стало, что для человека вредны и до смерти довести могут». А дальше шло перечисление...

–Чтооо?!... – не сдержал крика князь Василий, прочитав первые строки. В дверь заглянул дневальный рында, но государь уже справился с собой, и лишь махнул тому рукой. Пока он читал и перечитывал лист, Еропкин успел подумать, что слухи по дворцу теперь пойдут, что в немилости он. Впрочем, как ему успели шепнуть свои, отсылка его зимой далеко на полночь, с невнятным поручением о проверке, и так многими приближенными к государю воспринялась, как признак высочайшего неудовольствия. Тем временем князь дочитал.

–Что... на словах сказывали? – сейчас он был грозен и зол. Эта злоба пока не имела направления выхода, но постельничий ни за что бы не позавидовал, найди она... на кого выплеснуться. Хотя здесь ситуация была иная:

–Если кратко, то колдуны-алхимики, государь, в изысканиях своих, впоследствии от волшебства да бесовщины откажутся, а будут лишь верные свойства у металлов да иных веществ определять. И про свинец, мышьяк, сурьму да ртуть выяснят достоверно, правда, до того, понятно, многие и многие людишки во всех странах от того сгинут... Золотое да серебряное шитье, вроде, сейчас так делается, киноварь где, да с красками, государь, особенно для тканей иноземных, так же дело обстоит, только там не смог старец тот сказать, все ли они... такие – сам не знает.

–Что же мне, в некрашеной сермяге ходить? – уже без крика, скорее про себя, сказал князь Василий, и продолжил чтение дальше. Дочитал, задумался на минуту, а затем, подняв глаза на Еропкина, хмыкнул почти весело:

–Молоко да мед, лен да шерсть... почаще мыться, баня... Да бабам, особенно в тягости которые, лицо не белить да не румянить, да детей до того же не допускать. Просто все как-то, а?...

–Так он и сказал, государь – согласился постельничий – ничего сложного. Да подарки вот еще иноземные, да одежды на торжествах...

–Что? – государь снова мгновенно подобрался.

–Взять все на одну, или сколько, особых швален и красилен, чтобы и постельное, и одежное для царской семьи – все под особым присмотром и шилось, и хранилось. Потому как, он сказывал, той же ртути самые вредные – пары, и злодей может любую вещь ей лишь сбрызнуть,

а она потом и будет... отравлять все вокруг потихоньку. Или даже просто на пол пролить – Еропкин довольно точно передал рассказ старца, впрочем, тут тоже сложностей никаких не было – так что, если есть подозрение на злой умысел дарителей иных, так держать такое в отдельных палатах, а не в жилых да спальнях.

–Ну, тут вреда нет никакого, да и просто, действительно... Займись, постельничий! – государь перешел на деловой тон – как раз оно тебе по должности полагается... Что еще из самого важного?

–Вот, государь – Еропкин подал три листа, скрепленные вместе. На первом был заголовок «Ливонская война и Смута». Эти листы князь Василий читал уже без спешки, сидя, а не как первый – чуть ли не на бегу. Он махнул и Еропкину на лавку, и тот присел сбоку, готовый в любой момент и за новыми листами потянуться, и по читанным подсказать. Государь читал... тяжело. Хмурил брови, стискивал кулаки. Даже зубами раз скрипнул, похоже, на том месте, где описывалось предательство чуть ли не всех его бояр и переход на сторону лже-царевичей (постельничий, конечно, и рассказ старца слушал внимательно, и читал все листы сам, еще в замке). И, когда дочитал и поднял взгляд – уже даже притворной веселости в том взгляде не было, совсем.

–Что... по этому на словах передали? – он махнул зажатыми в руке листками.

–Немногое, государь – вздохнул Еропкин – за давностью лет, и как у них там потом описано, три имени точных только вспомнил старец: князя Курбского, что в начале Ливонский войн убежит к литовцам, князя Пожарского, что после, в конце Смуты, спасет Русь, собрав последние силы да выгонит врагов из Москвы, да вот еще, по его словам не то Хворостин, не то Хворостинин – разобьет, еще до Смуты, огромное войско крымчаков...

–Хворостинины, верно – припомнил государь – захудалая ветка, из ярославских... Пожарские тоже, не сказать, чтобы... то в опале были, то просто бедствуют... а какой же из Курбских... предаст?!

–Звать его будут вроде Андреем – немедленно откликнулся Еропкин – и, старец сказывал, по годам – скорее всего, и не родился еще он...

–Ну да, четыре, а то и пять десятков лет еще – кивнул, соглашаясь, князь Василий – тут подумать надо... То, что этот старец про бояр пишет, оно... глубоко, конечно, но сам же и говорит, что одним махом тут не решить... Что у тебя еще? Показывай!

Постельничий внутренне был готов к еще одному взрыву государева гнева. Но – именно поэтому подал эти листы первыми. Однако, если весть о том, что его вроде как травят, государь воспринял ожидаемо, то вот вести о том, как вся земля русская по краю пропасти прошла, и устояла чудом – воспринял гораздо спокойнее. С виду... так-то опытный царедворец, хорошо знающий своего господина, уловил и тот самый гнев, сейчас запрятанный глубоко внутрь, и особый прищур глаз, означающий работу мысли... С боярскими родами, действительно, с налету рубить нельзя, они и без всяких старцев это знали... Поэтому Еропкин подал государю особый лист, где были перечислены темы всех отдельных малых грамот.

–Ага, вот они как сделали – понял князь Василий, вчитавшись – А что, удобно!

На листе были только заголовки. Кроме уже читанных двух, там было «оружейного дела развитие», «благородные и закабаление крестьянства», «соседних с Русью государств история, иначе важнейшие события, в них происходившие», «взятие Казани с Астраханью и дальнейшие с мусульманскими и кочевыми народами отношения», «бытие Церкви в государстве Московском и внутренние раздоры Церкви, в раскол перешедшие» и еще несколько.

–Ну-ка, вот это дай – ткнул государь в строку о Церкви. Постельничий протянул два листа.

Их князь Василий читал спокойнее, хотя и с нахмуренными бровями. Лишь раз скрипнул зубами, а вот тут Еропкин не догадался, на каком месте: то ли на том, что, когда будут два или три «года без лета», Церковь сгноит у себя почти все свои огромные запасы зерна, но не

увеличит посевы и не раздаст голодающим почти ничего. А на землях Руси будут «глад и мор» свирепствовать... То ли на куске о некоем митрополите, что немало поспособствует выбору после Смуты в цари своего родственничка... Или – где был описан сам великий раскол, что уже сейчас зреет, и через сотню лет окончательно произойдет, разделив всех христиан на русских землях по смешным причинам на долгие триста лет, и последствия от такого разделения будут очень плохими – считай, все эти годы будет идти скрытая гражданская война, с вполне реальными жертвами, самосожжениями и казнями по церковным приговорам, уходами целых общин в дикие места (и как правило, с их вымиранием либо очень большим сокращении численности там), и самое главное – все эти сотни лет будет идти противопоставление старообрядцев и никониан, которым будут прекрасно пользоваться враги Руси...

Здесь государь думал после прочтения минут пять. А потом спросил у постельничего:

–Тут... на словах было что?

–Почти ничего, государь – Еропкин виновато развел руками – не хотел старец об этом особо говорить, сказал, мол, в письме своем тебе главное указал... а когда говорил все же... Называет он обряды церковные почти все чуждыми нам, государь, а те вопросы, что на диспутах своих священники обсуждают – оторванными не только от дел мирских, которыми бы им заняться можно было, для улучшения жизни на Руси, но еще и переводом... как там у него... ресурсов, то есть добра всякого, на пустые бредни... Да раз бросил, этак вскользь, «от кого, мол, они сейчас-то такими крепкими монастыри свои ставят»... Уж извини...

Здесь можно было ожидать еще одной вспышки, но обошлось. Государь лишь покивал, скорее, своим мыслям, поскольку не стал даже никак комментировать такое (еретическое, считай) заявление старца, и они перешли к другим листам.

Позже, гораздо позже, уже тяжело больной государь, чувствуя скорый конец, все же показал настоятелю Варфоломею то самое письмо, на странной белой бумаге с голубыми полосками и разломаченным краем. Там были такие строки: «Могу сказать твердо, Государь, что за все эти пятьсот лет известной мне истории не было ни одного случая явления Бога, либо Чуда Его, или иного явного проявления Его воли во всем Мире. Те же чудеса, что за эти годы таковыми объявлялись, позже разоблачены были, как искусный обман либо подделка. Даже и сошествие Благодатного огня, не вслух и не напрямую, но было признано рукотворным делом, хоть и не открыто слуги Церкви в том признались. Более того, и католики, и протестанты, Христиане других толков, а также представители всех других известных мне религий, как Авраамических, так и на иных основах проповедующие во всем Мире, за эти же годы тоже ни одного случая явления своего божества либо воли его – не оглашали. От этого имелся разлад у почти всех религий с народами, охлаждение к Церквям, а еще, когда ученые мужи, изрядный опыт знаний своих о Мире накопив, стали заявлять, что не соответствует то, как Мир создан был и развивался затем, книгам Церквей (разных), и доказывали то наглядно для любого, Церкви с тем соглашались с изрядной задержкой, иногда даже на сотни лет, что тоже людей от них отвращало. Однако сами же те ученые мужи, в изысканиях своих, дошли до таких тонкостей, которые иначе как Божественной силой объяснить нельзя было. Оттого и склоняются многие в те времена, в кои я сам жил и чему сам видоком был, к тому, что Господь создал для нас Мир, и нас в нем по своему образу и подобию, дав нам его для жизни. Придет ли затем, спросит ли с нас? Того не ведаю, а только с этими знаниями мне на нынешние дразги церковников смотреть больно, хоть и признаю и подтверждаю на основе опыта этих пятисот лет, что духовно окормлять и просвещать народы нужно». Понятно, что писал Ефим, но диктовал-то старец... А еще там было об отравлении боярами его будущей жены и сына... Они тогда, государь с настоятелем, будут очень откровенно беседовать, и основы своего (довольно резкого) изменения правитель Руси, оставшийся в истории как Василий III Грозный, поведет именно от того письма да от дальнейших откровений старца.

Но – это будет потом, а пока... Почти всю ближайшую седмицу Еропкин был, что называется, под рукой у государя, в каждую свободную минуту уточняющего у него по тому или иному листу новые подробности, вызвав целую волну противоречивых слухов у придворных – то ли ждет его в скором времени опала и ссылка, если не что похуже, то ли замыслил государь новое что, навроде Рязанского дела (о котором, конечно, все придворные знали побольше, чем простой народ)... На самом же деле, после первого прочтения всех переданных из Ливонии листов (и обсуждения с постельничим), князь Василий тут же перешел к обсуждению дел военных. И, если задумки самого князя Рязанского, в случае, если Москва не захочет вернуть себе часть Ливонии, были простыми – отбиться от Ордена, удержавшись в границах большого лесного массива и холмов, где они сейчас и сидят, то, в случае желания Москвы повоевать, все выходило чуть ли не наоборот – уже ливонцам придется дергать войска почти во все стороны. Да и подача совместных действий тогда, в изложении бывшего князя Рязанского, выглядела как искусная интрига, о чем государь (сам любитель подобного, чего уж там) и спросил постельничего – точно ли тот самый князь пишет это, которого они почти что обвели вокруг пальца, как дурачка какого, и лишь случай его спас?... Еропкин тогда, помявшись, ответил, что изменился все же князь Иван сильно, не по виду, а так. Видать, пришло время мудрости набраться, да и поспособствовал тому старец, конечно, потому как даже те из его рассказов, что он за короткое время слышал, полны мудрости, житейского опыта, а еще, если и верно, что он из тех времен, что на пять сот лет вперед, так он и вправду может знать про нынешние времена все... Князь Василий лишь кивнул, не став пока развивать эту тему в разговоре, но, похоже, задумался.

А еще государь в эти дни, видимо, не желая пока привлекать лишнего внимания, особо не перекраивал свой распорядок дня (довольно неспешный, для зимнего времени), но и коротких, но частых бесед хватило для того, чтобы постельничий рассказал и все свои впечатления от встречи со старцем, рязанцами и прочим народом, и то, что смогли узнать его люди во Пскове и Иван-городе (полковник второго Наревского полка забыт не был), и разобрать новую передачку от старца – газету из будущего времени, на непривычно тонкой бумаге. Странно, но почти все буквы были понятны, а вот слова – увы, наоборот, большинство – нет, хотя старец успел рассказать Еропкину смысл нескольких объявлений. И про песню ту, про поручика да корнета, постельничий рассказал тоже...

Дошло дело и до показа нового оружия, и до отдыхающих пока псковичей. Впрочем, те были только рады ничего не делать, как пояснял Еропкину Димитрий еще по дороге из Пскова – работали они до того напряженно, так как заказ от князя и на бомбы, и на «ракеты» (те самые огненные стрелы) был большой... Хотя где-то на второй или третий день они все же сказали, что, раз надо будет все их оружие показать в лучшем виде, хорошо бы приготовить кое-что... Но к концу седмицы государь назначил день смотра, подгадав на свою поездку, якобы в подмосковный монастырь. Хотя в монастырь он и в самом деле съездил, помолился, но надолго не задержался, на обратном пути свернув с дороги. По заказу псковичей неподалеку было найдено место, где одна из мелких речушек, впадающих в Москву-реку, несколько раз круто поворачивала на коротком участке, при этом один из берегов имел обрыв, доходящий в высоту до трех сажен.

На это место еще с утра привезли мастеров и самого Димитрия, а два десятка бойцов из дворцовой охраны (из тех, что сопровождали Еропкина в Псков и далее, с тем самым десятником) помогли им расставить заготовленные заранее чучела, столы на козлах, приготовить загородку для смотрящих, развести костер для обогрева да проверить, чтоб никто близко не лез. Но место было тихое, и никого не было, так что, когда к обеду государь с малым числом сопровождающих приехал, все было готово. Димитрий волновался, но в грязь лицом не ударил: все, что хотели показать, было разложено на столах, снаряженные бомбы и ракеты лежали отдельно, под присмотром особого охранника, чучела стояли на заснеженном льду реки в двух

местах – рядом и в куче, на одном из обрывов было сложено три небольшие копешки сена. Для зрителей шагах в тридцать позади огневой позиции (но так, чтобы все было видно) была устроена небольшая загородка из толстых досок. Еропкин представил государю и сопровождающим Димитрия (а мастера обошлись без представления), и показ начался. Точнее, сперва рассказ – Димитрий у стола со всеми своими изделиями рассказал, как на основе обычных деревянных кружек и чарок они собрали первые бомбы, приделывали к ним крышки, вымеряли, какое отверстие надо, да сколько запального шнура ставить. Как после проб стали делать трех размеров, от самых малых, до таких, что ловко и точно метнуть под силу не каждому. Как посадили на смолу гальку, чтобы, кроме щепок, еще и они в разлете ранили...

Но он не затягивал, сообразив, что пора уже и в деле все это показывать. Отведя высоких гостей за загородку (по грудь где-то), он дал команду своим, и те по очереди кинули сначала малую, потом среднюю и большую бомбы в чучел на реке. От малой им на вид ничего не было (клуб дыма, да одно, совсем рядом с которым она упала, загорелось), от средней – запылилось несколько, и пара опрокинулась, самая крупная повалила оставшиеся. С галькой кидать не стали, Димитрий пояснил, что рванет так же, а отлететь далеко может какая галька, так что, не дай бог... Государь молчал, но смотрел с интересом (он, собственно, всегда производством оружия интересовался, и у пушкарей бывал довольно часто, и в других оружейных мастерских тоже). Двое старичков (из числа его дядек, старых воинов, взятые для стороннего взгляда) вопросов задавали больше, хотя было и ворчание, мол, «дыму много, толку мало», и «на пшик зелье пороховое переводить, а за него серебром плачено».

Димитрий, перехватив шутку про дым и про серебро, рассказал и про дымовухи, напомним заодно, что порох в бомбы можно сыпать любой, но лучше как раз мелочь, что ни в пушки, ни в пищали не годна и идет обычно в отсев. А также пояснил, что в зданиях, или в тесноте где, такой хлопок, да со щепками и дымом, с толку здорово сбивает и дает время ослепленного и оглушенного человека добить, как, вроде бы, в Ливонии и произошло... Тут старички оживились, но подробностей он не знал, зато дал им возможность самим испытать следующую новинку – особой формы пули. Заряжали пару прихваченных из усадьбы самых обычных пищалей, понятно, охранники, а вот выпалить по установленным на треть дальше обычного расстояния прицельного выстрела чучелам – дали самим старичкам (с удобных подставок, конечно). Видно, что опыт у них был, так как попали оба с первого раза, и пошли перемерять шаги до чучел, не поверив, а после долго вертели эти самые пули (пока купец рассказывал, что делать их, если форму изготовить, как бы не проще, чем обычные, круглые – не надо даже обкатывать потом, лишь ямку в задней части аккуратно выковырять).

Пришло время показывать ракеты... Здесь Димитрий сначала дал всем пощупать разделенную на части не заправленную ракету и тоже сразу сдал старца, как и с пулями, рассказав, что и форму, и примерные размеры для этой огненной стрелы подсказал им тот, да предупредил особо о таких вещах, до которых сами бы они доходили очень долго, вроде размера дырки, из которой дым с огнем вылетают, качества обработки всех деталей да опаски при запуске. Пока он рассказывал, его мастера споро установили направляющую из досок, и всех подвели к ней, показав, что там и как устроено, и как производится наводка. Не стал он и скромничать, сообщив, что вот такую направляющую, окончательные размеры «стрелы», и как состав и навеску подобрать, чтоб она в воздухе взрывалась – уже они придумали и сделали, хоть и с подсказками.

Ну, а дальше пошло уже всерьез. Всех попросили отойти за загородку, тех, кто коней держал – предупредили, что будут пугаться, и определили цель – пока направить как можно выше, но – в сторону обрыва. Народ был опытный, все видели в деле пушки, так что отошли спокойно... Все равно никто не ожидал того, что будет, хотя и видели, как шустро разбегаются мастера от направляющей. Ракета со свистом и огненно-дымовым хвостом взлетела саженей на 10 выше обрыва и гулко хлопнула на снижении. Коней удержали, кое-кто из зрителей все

же дернулся (а перекрестились все), но показ продолжился. Быстро опустили направляющие, и уже вторая ракета рванула как раз над обрывом, разметав загоревшееся сено. Ничего не меняя, тут же, на скорость, запустили вторую – и она рванула почти там же, что было хорошо видно. Ну, а дальше споро перебили один кол на направляющей, и оставшиеся две ракеты запустили по реке на дальность, в сторону кучи чучел. Уже первая разметала их почти все, а вторая пролетела чуть дальше, воткнувшись в обрывистый берег и обвалила на лед приличную кучу песка с землей.

После чего, пока охрана собирала с реки нужное да прикапывала снегом лишнее, от чужих глаз, уже мастера громкими голосами (да и у зрителей в ушах позванивало) рассказали некоторые особенности. Главным, по их словам, было то, что стрелы эти крепостную стену не пробьют, и того ждать от них не нужно, но любую стену перелетят, только нацель правильно, и там, за стеной, подожгут все да людей побьют, кто близко попадет. Еще отметили, что даже приученные кони этого свиста-рева (тем более взрывов) вытерпеть не смогут, и или скинут всадника, или понесут. Или – и то, и другое. Даже рыцарские боевые кони. А уж необученная конница, например, татарская, вообще разбежится (тут старики, сообразив, к чему это, заметно оживились, да и государь что-то такое на лице показал). Да и людям, которые под сам взрыв вблизи попадут, в живых остаться можно будет только при везении... После такого старики свое ворчание бросили, и, пока все собирались да выходили на берег, пытали мастеров, что, да как: для чего крылья, почему они такие малые и не сделать ли их побольше, для чего прутья к ним привязывать, как они так сосчитали, чтобы взрывалось еще в воздухе (и что будет, если сперва до земли – или чего там – долетит?). Выходило, что и Дмитрий, и мастера ответы на эти вопросы знали, что-то – со слов старца, но больше все-таки уже по собственному опыту... А вот государь почти ничего не спрашивал, но при расставании (ехали назад тоже отдельно, конечно) отсыпал мастерам денег от души, да серебром, а Дмитрию сказал кратко:

–Жду тебя у себя, вон, постельничий проведет.

И в этот же день имел долгий разговор с псковичом. Тот, уже понимая, что решается его судьба, все знания от старца называл в открытую, в том числе про тайны работ с ракетами и бомбами. С его слов, выходило, что уж больно много тонкостей тут, чтобы смогли их повторить незнающие люди – и дырка, что старец «соплом» называл, какого размера (да из твердого дерева эта часть должна быть), и толщина вытянутой части, «древка» этой стрелы, и длина его, чтоб тяги хватило, да не разнесло в полете еще, и как сделать так, чтоб мелкий порох, что в набалдашнике засыпан, именно рванул, а не вспыхнул. Сказал и насчет выделки их – что нужна удаленность от чужих глаз, да необходимость особо тщательно проверять и вымерять все части, из которых те ракеты будут делаться. Немного об этом было и в записке старца об оружии, и князь Василий, понимая, для чего это нужно, обещал подобрать людей, знающих, что такое точное выполнение требований в оружейном деле... Ну, а на предложение государя перейти к нему с мастерами своими, на государево дело, Дмитрий ожидаемо ответил согласием... Решено было, что пока он вернется к себе в Псков, и они продолжат гнать свои стрелы к князю в Ливонию, а псковское начальство обеспечит его еще порохом и людьми, о чем им будет особая грамота, и они (под его приглядом, чтобы так же хорошо сделано было) начнут делать эти стрелы уже и для Москвы, да срочно, потому как, похоже, нужны они будут вскорости...

Отослав Дмитрия, князь Василий еще раз переговорил с Еропкиным. Кроме совершенно логичного теперь окончательного решения брать все пороховые мельницы под казну (хоть и говорили и Дмитрий, и мастера, что до такого оружия самому никак не додуматься, но мало ли) и усилении пригляда за ними, и еще кое-каких дельных советов, что успел получить он от своих стариков, надо было решать – соглашаться на предложение князя Ивана о войне в Ливонии, или нет. Увиденные своими глазами эти самые «огненные стрелы» позволяли теперь наглядно представлять, как должны пройти военные действия с учетом их использования, отряда князя и перекрытых ливонских дорог...

А постельничий в тот раз заметил, что осунулся за эту седмицу государь, и тени под глазами большие стали, даже странно.

3

Причина такого изменения внешнего вида открылась ему на следующий день. Точнее, ближе к вечеру – за день он еще несколько раз был вызван к государю, с очередными пояснениями, но были они совсем мелкими и незначительными, а уже когда стемнело – за ним снова пришел рында и отвел его в царские рабочие покои. Там добавился особый столик для ливонских бумаг, но сейчас они были разложены на нем в порядке, по стопкам, как видно, князь Василий закончил их изучать. Сам он сидел за столом, на котором обычно стояли еда и напитки, и бездумно катал в руке серебряную чарочку. «Серебро – вспомнил постельничий слова старца – из всех известных сейчас металлов для посуды лучший, поскольку уничтожает тех мельчайших вредных животных, что в любой воде, кроме кипяченой, изначально живут и размножаются. Неплохо также золото, на меди, бронзе и олове не должно быть ржи и иной грязи, а свинец вообще для посуды недопустим...», но эти его мысли прервались вялым взмахом руки князя Василия, указавшей ему на скамью.

–Садись, Ваня – со вздохом сказал он – помоги мне думу думать.

Насторожившийся Еропкин (название государем по имени, даже вот так, без посторонних – было признаком того, что разговор будет... особый, да и просьба такая, что...) сел, и, уже сидя за столом (был он, надо сказать, совсем небольшим) ощутил запах вина. «Никак, выпил государь нынче? – понял он – а... что случилось?». Но вопрос этот он задавать не стал, лишь посмотрел на государя, взглядом показав, что он всегда готов сопоспешествовать, и все такое...

–Не понимаю я, Ваня – негромко и неспешно начал говорить государь – старец этот, если и верно – из будущих времен прислан... и за Русь у него душа болит, и от бед он нас всех ограждать хочет, им предсказанных...

Еропкин молчал, внимательно слушая.

–Ночей не сплю, понять не могу, верно ли это... Как-то оно... не так все – продолжил князь Василий, и постельничий вздрогнул, вспомнив песню, которую старец в своей «машине» дал им послушать первой, сказав почему-то «традиция» – что?...

Движение государя заметил, пришлось рассказывать и про эту песню.

–Ни церковь, значит, и ни кабак... – государь невесело усмехнулся – так вот, не так все выходит как-то... Когда в письме его прочел я мысли да задумки свои, что лишь Господу до того в молитвах открывал...

Еропкин вздрогнул снова.

–Да-да – государь, хоть и выпил явно прилично, подмечал все – оттого и сразу стало ясно мне, что либо... от Господа он, либо... – князь Василий сделал некое движение рукой вниз, и постельничий перекрестился.

–Вот-вот, я тоже на ту... бумагу святой водой брызгал – кивнул государь и продолжил на вопросительный взгляд – нет, не задымилась она... Да и рассказ твой про крест его... (разумеется, Седов, с подачи Ефима, подтвердил посланнику Москвы, что крещен по православному обряду, и дал посмотреть свой крестик. Разумеется, тот об этом государю рассказал). Дальше, когда их грамоты ты привез – теперь он слабо махнул рукой в сторону стола с бумагами из Ливонии – показалось мне, что снова жиды свою ересь к нам хотят привести, без священников и икон, только зашли нынче хитрее...

В этот раз постельничий удержался от того, чтобы вздрогнуть, но с трудом. Ересь жидовствующих – такое общее название получило долгое дело, когда в прошлом веке еще (в основном, через Новгород) на Русь попало несколько особых иудеев, либо ими воспитанных людишек, что стали растлять и прельщать народ чудесами своими мерзкими, на Каббале да астрологии основанными, и лже-тайнами Мира, в их же иудейских книгах расписанными. Многих

они успели смутить да прельстить, и, что самое главное – больше из духовенства, потому как грамотные-то люди в это время в основном там и были, да в боярстве еще, но у владельцев – хозяйство, да война на них, все в заботах, а священники... Долго дело тянулось, да вытянулось – уже лет двадцать, как выловленных жидовствующих, чьи вины доказаны были, казнили разными способами, и в Новгороде, и на самой Москве, куда они тоже успели пробраться, да окопаться даже в высоких церковных чинах... И сейчас оппоненты из числа церковников таким обвинением друг в друга просто так не бросались, ибо опаска была, что заново будет затеяно следствие, и бог знает, что оно раскопает... Собственно, поэтому и ждал Еропкин любой реакции, когда показывал те листы, где было про Церковь... Но, раз государь так говорит, значит, не то?...

– Не сходится – кивнул сам себе государь – сам старец иудеев во многом обвиняет, а главным же злом от них считает вовсе не Каббалу их да волшбу с астрологией, которые он и сам не признает, и пишет, что после весь мир их всерьез принимать не станет, как и алхимию...

Тут постельничий удивился так, что решил открыть рот:

– А что же тогда?!...

– Деньги – снова невесело усмехнулся князь Василий – серебро да золото, Ваня. Подомнут купцы да ростовщики их под себя торговлю, через то – начнут владельцев где подкупать, а где и сами выкупать людишек с усадьбами... Ну, а там и до князей с царями дойдут... Это тебе не волшебные сказочки, на какую звезду в какой час каким глазом смотреть надо, да буквы у бесов в именах счесть, тьфу – государь перекрестился, Еропкин повторил. Повисла пауза.

– Так скажи мне, Ваня, еще раз – прервал ее государь – все, что у того старца заметил ты, что могло бы... истину открыть. Потому как сам я... не могу понять, и спросить больше не у кого...

От осознания масштаба того, что от него требуется, постельничий взмок.

– Да я, государь, и так, как на духу, все тебе рассказал же... Может, тебе еще у тех, кто со мной был, спросить...

Это было правдой. По своему решению, Еропкин постарался насколько мог подробно и точно передать все, что случилось с ним за три неполных дня в Ливонии. Не так и много, если подумать, успел он узнать и увидеть. И в дальнейших расспросах государя еще и еще повторял и дополнял, пока не выжал из памяти вроде бы все...

– Спрашивал уже и у них, и не один раз. А тебе верю и не виню тебя в сокрытии... чего-то, Ваня – подтвердил его слова князь Василий – но... даже самая мелкая мелочь, слово или полслова, от старца того, сейчас мне... помочь может.

Теперь напряженно задумался Еропкин. Текло время...

– Мелкая... – хрипло сказал все же он и, на вопросительный взгляд князя Василия, откашлялся и продолжил – государь, все, что я сам достоверно видел, и что старец, и князь Рязанский со своими людьми говорили, я тебе передал. Если и показалось мне еще кое-что, в чем не могу быть я уверен, то... можно ли будет тебе на таком... малом основании выводы делать в... важном деле сем?...

– Ты рассказывай – князь Василий мгновенно подобрался – а я уж сам решу. Ну?!

Еропкин собрался с мыслями.

– Старец тот, когда показывал повозку свою и... иное, что у него с собой оказалось – теперь уже он начал говорить неторопливо, но напряженно, взвешивая каждое слово – особо упоминал, что чудес да волшебства, как мы его понимаем, нету, считают у них... там (через пять сот лет, в смысле), и все эти... вещи чудные лишь плод работы мастеров да ученых их, каждое из которых руками сделано и объяснить можно. И для того он и тот телефон, где картинки живые, и фонарь, что без огня светит, на части разделял и показывал... Части те – разные, и по размеру, и по... назначению... Сам старец пояснял при этом, что для чего предназначено, после чего собирал заново, да ловко так, и снова и свет, и картинки живые были...

–Ну? – поторопил все же его государь.

–Может, и показалось мне, свет был там не особо, да мелкое все... А только на тех частях, что предназначены, с его слов, чтобы питать эти... приборы, чтоб они вообще работать могли, заметил я крестики...

–Крестики? Какие?! – князь Василий такого не ожидал.

–Совсем мелкие, государь. Вот такие – Еропкин показал на пальцах нечто совсем маленькое – там они по виду разные, в фонаре и в телефоне этом. Но крестики точно были и там и там. И еще... в повозке его, когда он крышку открывал в той части, где двигатель, что крутится, крученье на колеса передает и от того она и едет... был такой ящик, побольше (он снова показал размеры), и про него пояснил старец, что там та же сила накоплена, как в молнии, для первого запуска этого двигателя... и на нем, на ящике этом, тоже крест, и тоже побольше.

Постельничий замолчал, государь задумался.

–У него в повозке внутри тоже кресты, в трех местах, государь – дополнил Иван – из дерева, на звезде красной, что они себе за знак взяли. Но про те кресты он сам сказал, что они уже тут приделали их. А те, малые крестики, оно сразу видно, что когда делали эти... штуки, сразу и приделаны были. Я не смогу объяснить, но там видно, что оно выдавлено или оттиснуто... А что на коробе его крест, в котором у них лекарства держат, я тебе уже сказывал...

Он был, конечно, прав. «Плюсы» на батарейках и на аккумуляторе, действительно, были нанесены при изготовлении и окрашивании, а на крышке аккумулятора – выплавлены в пластике вместе с крышкой. Ну, и красный крест на аптечке тоже.

–Скажи, а части эти, с крестами... – теперь прервал молчание государь – только сам он в руках держал, или еще кто?

–И он, и другие, и я сам – сразу же ответил Еропкин – он всем давал посмотреть безвозбранно. Они... разные, государь. Что легкое, как из дерева, что тяжелое, как из железа, везде свое, это... самому видеть надо. И еще Ефим, книжник их – вдгонку вспомнил он – уже наловчился те картинки сам показывать и... менять, одну за другой, а повозкой его воевода Семен правил, да ничуть не хуже старца.

И снова повисла пауза.

–А сам он, значит, из торговцев там был, ты сказывал... – задумчиво произнес князь Василий.

–Так, государь. Только не из тех, что товары возят, а побогаче, из тех, что письмами заемными да владениями на мастерские да... заводы, как у них называть стали, торгуют, как он пояснял. И сам он не торговцем таким был, а... считал деньги, для расчетов его торговому дому ежедень нужные, да управлял в других городах их же людьми... – Еропкин еще немного помялся – да и не похож он на купца, государь, как я тебе и говорил... не пойму, на кого он похож, вроде, и есть что-то знакомое, но нет...

–А опиши-ка мне его... еще раз – сказал государь. Похоже, у него появилась какая-то мысль.

–Высок – уже привычно начал Еропкин – на пол головы выше меня точно, статен. Телом крепок, без полноты излишней, но руки к оружию не приучены. Волос темный, прямой, седой чуть не вполовину. Стрижется коротко, не по нашему, уши открытыми держит. Борода тоже короткая, округлая, и тоже почти вся седая, как и усы. Взгляд не прячет, глаза серые с зеленью, брови чуть изогнуты, нос прямой, зубы ровные, белые. А вот взгляд, государь, описать не возьмусь...

–Пойдем-ка – через некоторое время сказал государь, и, стремительно встав, чуть ли не побежал из покоев.

Постельничий, замешкавшись на какое-то время, бросился его догонять. Не ожидали того и рынды, стоявшие у дверей, и в результате по залам и переходам дворца быстрым шагом шел сперва сам князь, за ним Еропкин, а сзади (а не чинно спереди, как положено) – двое рынд.

Впрочем, этого вроде как никто не заметил, так как шли недалеко – до любимой молельни государя.

–Огня мне – коротко бросил рындам государь на пороге, поманив Еропкина внутрь.

Молельня была небольшой. Окошко в боковом простенке, сейчас совсем темное, подставка для чтения возле окна, сейчас пустая, и – почти полностью занятая иконами стена напротив двери. Перед иконами горело три или четыре лампадки, и в комнате было тепло и пахло воском. Рынды быстро притащили два подсвечника, запалили все свечи и установили их на особых подставках по бокам. После чего, по жесту государя, вышли, прикрыв дверь.

–Смотри – государь, перекрестившись, кивнул на иконы – не... узнаешь ли?...

Постельничий, тоже перекрестившись, пораженно огляделся. Государь хочет, чтобы он узнал... кого?! Сделав небольшой шаг вперед, он стал вглядываться в лики уже внимательней. Некоторых святых узнавал, некоторые иконы – редкие – нет, и приходилось разбирать подписи... Он счел нужным негромко, про себя, читать молитву при этом, а, находя глазами особо почитаемых святых – еще отдельно креститься и кланяться каждому... Шло время, он переносил взгляд с одной иконы на другую, не понимая, что от него нужно... Государь отошел чуть назад, не мешая просмотру, и стоял молча. И тут затрещал огонек в одной из лампад, что висела перед самым нижним рядом икон, слева. Оба непроизвольно перевели глаза туда. И тут Еропкина, что называется, накрыло...

В русской иконописной традиции каноны письма (как собственно, и само христианство, и его обряды) первоначально были принесены из Византии и Греции. Отсюда – совершенно не русские типы лиц на иконах, а, в основном, греческие – тонкие прямые носы, смуглая кожа, карие глаза... Но, похоже, на Руси всегда были такие творцы, для которых канон – лишь канва, заполнить которую они пытались в меру собственного воображения и таланта. Обычно, поскольку иконописные мастерские были все же под контролем церкви, при крупных храмах и монастырях, такие неканоничные изображения браковались сразу после написания, если не в его процессе. Но, видимо, были и среди настоятелей те, кто понимал, что иконопись тоже должна по возможности быть ближе к тому народу, в котором эти иконы потом и будут находиться...

В общем, на одной из небольших икон в левом нижнем углу был изображен некий старец. Был он нарисован почти седым, с прямыми волосами и небольшой округлой бородой. Прическа открывала уши, нос был не тонким греческим, а вполне обычным (хоть и длинным, и прямым), лоб старец имел широкий, щеки – слегка впалыми, а его глаза – зеленого цвета – были посажены достаточно широко, по сравнению с каноном, опять же. Государь, вышагнув сзади, ловко снял эту икону с подставки и вынес ее под свет, давая возможность прочитать подпись.

–Святой Николай!... – ахнул постельничий – чудотворец!...

Тут уже перекрестились они оба. Лицо князя Василия выглядело... довольным?, и Еропкин не мог не задать вопроса, точнее, попытаться:

–Но, государь, он же не мог... он же не...

–Нет, конечно – покачав головой, ответил государь – не он... но теперь, теперь мне все ясно!...

И голос у него тоже был довольным, и все еще ничего не сообразивший постельничий все же вынужден был спросить:

–Но.. как же оно, государь?!...

–Знаешь ли ты, Ваня – настроение у князя явно резко улучшилось, и он, как оказалось, был совсем не прочь пояснить кое-что своему нерадивому подданному – за какие чудеса святого Николая Чудотворцем называют, и кем он был при жизни?

–Ну... он был предстоятелем, епископом, по ихнему, в Мирах Ликийских... – Еропкин знал это, точнее, его учили когда-то, но сейчас эти знания не то совсем вылетели у него из

головы, не то просто он не мог пока сосредоточиться. Но государь не рассердился на него, даже выражения лица не поменял, а продолжил, скорее для себя, чем для постельничего:

–Николай-Чудотворец, Ваня, при жизни ни одного чуда не совершил... А епископом его сделали за честность да справедливость его... Из жития же его известно, что он, будучи предупрежден господом, вернулся с середины пути, когда троих невинных в его городе казнить хотели, и от смерти их спас, а еще – что помог он золотом некоему семейству бедному, в котором три дочери на выданье были, и без того приданого им, по их обычаям, только в блудницы идти было... Разве это чудо – за справедливость встать, да тем, что имеешь, с людьми поделиться?...

Еропкин слушал молча, кое-что, действительно, вспоминая, а кое-что узнавая впервые – сына боярина, как оказалось, учили хуже, чем царского наследника.

–Известен же он, как покровитель всех, несправедливо обиженных да засуженных, и, сдается мне – много кого там, в Ливонии, к таким отнести можно, да кое-кого из рязанцев, пожалуй, тоже, а?...

Иван с трудом поспевал за словами государя, но, ухватив раз мысль за хвост, ее уже не отпускал. Так значит, он считает, что этот старец?...

–Еще ему повсеместно молитвы приносят болящие, желающие получить исцеление, и в листах из Ливонии от старца есть сведения о неких мелких животных, что болезни вызывают, да и о лекарствах его ты сам кое-что рассказывал...

Постельничий сообразил, что та тяга к чистоте, которую там рязанцы установили, кое-какие рассказы старца, лекарства его из будущих времен, и, действительно, один из листов, с ним самим переданных, об этом говорят, а князь продолжил:

–Еще к святому Николаю принято обращаться путешественникам да мореплавателям, чтобы путь их скор, безопасен да успешен был. Не так ли оно у князя Рязанского и соратников его вышло, когда они через мои земли – враждебные им, считай – в короткий срок и сухим путем, и водой прошли без задержек да потерь до цели своей?...

Теперь Еропкин вполне успевал за мыслями государя, и даже был с ними согласен – это все вполне совпадало, но оставалось главное:

–Но как же, государь, если он сам то отрицает, и вообще взгляд на веру Христову имеет.. особый?

Князь Василий посерьезнел:

–Есть, Иван, у Церкви люди разные. Есть святые подвижники, что веру Христову среди язычников и иных нехристей продвигают истово. Есть те, что все службы знают наперечет, от и до, в какие даты что отмечать, да как. Есть, что в Писании разбираются, досконально, все примеры да аллегории с притчами из него могут разъяснить, хоть ночью разбуди. А есть, вроде и обычные люди, но... орудия в руках Господа, назову их так. Они делают, что должно, по воле Его, часто сами того не зная, и даже отнекиваясь, а становится ясно то – лишь после того, как все, что должно, произойдет. И я, похоже, чуть не упустил такого... человека, по гордыне своей, что глаза мне застила – государь стал шептать молитву и креститься, и Еропкин счел за лучшее промолчать. Но недолгой была молитва, и не все еще выговорил князь, что, видать, не мог сдержать в себе:

–Все ведь, все, Ваня, указывало на то! И появление его из облака, и помощь этим загнанным нами, чего уж, рязанцам, не виновным в том, и повозка его, что сама по путям земным легко идет, и исцеление с крестом его... И имя-то, господи! Самое имя должно было меня на истину-то сразу натолкнуть! Верно говорят, кого бог хочет наказать – лишает разума! Ну, не будет он лечить прикосновением руки, или, тем более, по воде аки по суху ходить, не господь Бог он и не святой Николай, так и не его это! Он нам, одними знаниями своими про ливонцев, да войны с бедами будущие, сколько жизней спасет, а взять хоть то, что они тебе за два дня в листах тех написать успели!

Постаравшийся сразу забыть признания государя в собственной... недалёковидности, скажем так, постельничий понял главное:

–Что же, государь, будем с ливонцами воевать?

–Будем – уже совершенно трезво и твердо ответил князь Василий – но сначала возблагодарим Господа, что не дал он совершиться ошибке, которая последствия могла иметь страшные для всей Руси!

И он опустился перед образом Троицы, центральным в этом малом иконостасе, на колени. На полу был положен коврик, и Еропкин, опустившийся на колени вслед за князем (чуть позади него, понятное дело), начал читать привычные слов молитвы тоже. Странное дело – давно, еще с отрочества, когда молоденькому Ване рассказывали особо яркие места из Писания, и потом в снах, бывало, являлись ему некие неясные, но внушительные образы из этих рассказов, он не погружался на молитве в такое состояние, которое в 20 веке назвали бы экстазом. А вот сейчас этого циничного, прагматичного, да и уже немолодого человека пробрало, и те самые образы из детства, снова возникнув перед мысленным взором, хоть и отделились, но стали за счет того более... зримыми, что ли, более понятными, и, повторяя раз за разом одни и те же слова, он открывал для себя такие простые, но редко понимаемые вещи – что для иного человека любой другой человек в каких-то случаях является то спасительным чудом, а то и карой божьей, и потому жить надо так, чтобы... Тут мысль его улетела совсем в горние выси, и, очнувшись через какое-то время, он нашел себя в том же молельном покое государя, склонившимся перед иконами. Свечи в светильниках почти догорели, и воздух стал, пожалуй, спертым – вот что он ощутил первым. А затем он поймал на себе взгляд государя, такой, почему-то, усталый и... понимающий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.